

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПИОНОВЫЙ ФОНАРЬ

ШЕДЕВРЫ
ЯПОНСКОЙ
МИСТИКИ

18+

«АЗБУКА»

Иностранная литература. Большие книги

Ихара Сайкаку

**Пионовый фонарь.
Шедевры японской мистики**

«Азбука»

1661-1927

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Сайкаку И.

Пионовый фонарь. Шедевры японской мистики / И. Сайкаку — «Азбука», 1661-1927 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-35308-4

Собрание поразительных, поучительных, пугающих и пикантных историй представляет многовековую традицию японской мистической прозы, начиная с переложений фольклорных быличек и китайских источников и заканчивая самобытными и необычайно колоритными произведениями Нового времени. Рассказы о причудливом мире демонов и оборотней, проделках озорных кáми и мести неупокоенных призраков, о загадочных происшествиях и необъяснимых явлениях во все времена пользовались популярностью. Произведения писателей, вошедшие в эту книгу, принадлежат к разным временам и поколениям и дают полноценное представление о развитии «сверхъестественного» направления в японской литературе. В настоящее собрание вошли такие признанные шедевры японской мистической прозы, как знаменитый «Пионовый фонарь» – бродячий кайдан, преобразенный мастером «падающих слов» Санъютэем Энтё в жутковатую самурайскую повесть, волшебная и романтическая «Луна в тумане» одного из основоположников жанра Уэды Акинари, детективная «Повесть Западных гор» Такэбэ Аятари, фантастическая сатира Рюноскэ Акутагавы «В стране водяных», таинственные истории о волшебных существах Огиты Ансэя, назидательные буддийские притчистрашилки Судзуки Сёсана, интригующие новеллы Ихары Сайкаку и многое другое. А цветные иллюстрации японских художников дадут представление о том, как выглядят японские ёкаи – тэнгу, каппа, кицунэ, бакэнэко, ёни, кáми и прочие, большие и маленькие, злые и добрые, смешные и страшные.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-35308-4

© Сайкаку И., 1661-1927

© Азбука, 1661-1927

Содержание

Огита Ансэй	8
О тэнгу и гибели монаха	8
О чудовищном пауке	9
О кошке-оборотне	10
О крысах	11
О встрече с Высоким монахом	12
О Горной деве	13
О призраке Роженицы	14
О кострах на полях былых сражений	15
О фрейлине Кодзайсё и призраках	16
Судзуки Сёсан	18
О том, как ревнивая жена после своей смерти преследует мужа, пока не сводит его в могилу, а также о том, как некая женщина после смерти обращается в змею и обвивает мужчину	18
О том, как заговорил конь, а также о том, как заговорила собака	20
О том, как скряга превратился в «голодного беса», а также о том, какими тягостными муками караются преступления	21
О том, как в могильном холмике вспыхнуло пламя, а также о том, как вылетел огненный шар из могилы	23
О том, как некий монах попал в ад еще при жизни, а также о том, как некий человек погрузился в «кипящий ад»	24
О том, как умершая роженица стала призраком, а также о том, как народилось бесовское отродье	25
О том, как монах беседовал с призраком, а также о том, как монах сражался с призраком	26
Ихара Сайкаку	27
Свиток первый	28
Смекалка, или Тяжба, решенная ко взаимному удовольствию	28
Женщина-плотник в запретных покоях	29
Душевное благородство, или Неровный счет накануне Нового года	30
Милосердие, или Прорицание божественного оракула – зонтика	32
Гармония звуков, или Чудесные шаги	33
Долголетие, или Поединок в тучах	34
Мсть за обиду, или Верные вассалы лисицы	36
Свиток второй	38
Карма, или Красавица в летающем паланкине	38
Развлечения, или Двенадцать человек, разом ставших монахами	39
Возмездие, или Тайный родник, пробившийся из земли	40
Святой мудрец, или в придачу – золотая кастрюлька	41
Скрытое от мира селение, или Сон о ветряной колеснице	43
Земные утехи, или Смертный Будда – Покровитель Младенцев	44

Жадность, или Большой бог грома	45
Свиток третий	47
Самурайская доблесть, или Как блоха удрала из клетки	47
Бренность мира, или Воскресение из мертвых	48
Дураки, или Нарисованные усы в месяц Инея	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пионовый фонарь. Шедевры японской мистики

Перевод с японского

Галины Дуткиной, Виктора Мазурика, Ирины Мельниковой, Евгения Мягкова, Ирины Львовой, Аркадия Стругацкого

Перевод стихов

Веры Марковой, Виктора Сановича

Иллюстрации

Утагавы Куниёси, Каванабэ Кёся, Утагавы Хиросигэ, Кацусики Хокусая и др.

© Г. Б. Дуткина, перевод, 2026

© Ирина Львова (наследник), перевод, 2026

© В. П. Мазурик, перевод, 2026

© В. Н. Маркова (наследник), перевод стихов, 2026

© И. В. Мельникова, перевод, 2026

© Е. В. Мягков, перевод, 2006

© В. С. Санович (наследник), перевод стихов, 2026

© А. Н. Стругацкий (наследник), перевод, 2006

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Огита Ансэй

Рассказы ночной стражи¹

О тэнгу и гибели монаха

«Вам, конечно, ведомо, что за существа эти тэнгу? – начал рассказчик. – Много бед последовало от них монахам. Даже и в нынешние времена те, кто предается чрезмерной гордыне и высокомерию, могут уподобиться тэнгу, только что без клюва и крыльев. Горе тому, кто возомнит, что превзошел все науки и искусства, – не миновать ему гор Курама. Стоит хоть раз сойти с пути праведного, оступиться, и ты уже добыча тех, кого называют супостатами Будды, из племени бесов и оборотней».

За этим вступлением последовал сам рассказ.

«Некогда в столичном квартале Дайго, сойдясь вместе, монахи предавались досужим забавам. Один из них вышел и все никак не возвращался. Его товарищи, заподозрив неладное, послали за ним в храм, но там его не оказалось. Тщетно разыскивали его и в Фусими, и в Курусано, и в Удзи, и на переправе Сэта, и в квартале Дайго. Все очень горевали по пропавшему.

Через три дня служка одного из храмов отправился в лес за хворостом. Он увидел, что над одной из отдаленных гор развевается что-то белое. Воротясь в храм, он поведал об этом тамошним монахам. Те встревожились и решили разузнать, в чем там дело. Цепляясь за выступы скал и стебли трав, они поднялись на эту крутую гору. На самой ее вершине, на высоком дереве висело белое монашеское одеяние. Внизу лежали расчлененные останки монаха. Правая и левая руки, соединявшиеся некогда в „молитвенной печати“, были отделены от туловища, губы, твердившие санскритские заклинания „дхарани“, утратили всякий цвет. Зрелище было надрывающе печальное. Вероятнее всего, это были козни тэнгу. Если ты нарушишь какую-либо заповедь и лишишься благодатного заступничества, повергающего ниц духов земли, тебе угрожает постыдная и жалкая участь».

---

¹ Перевод В. Мазурика.

О чудовищном пауке

Рано поутру, еще затемно, некий человек отправился в синтоистский храм. Когда, тихо читая нараспев молитву, он проходил вдоль ограды, он вдруг услышал в святилище ужасные стоны. Вбежав по каменным ступеням в молельню для паломников, он увидел оплетенного паутиной человека и громадного паука, который уже впился ему в шею. При его появлении паук сразу же скрылся. Подойдя к несчастному, он распутал его и осведомился: «Кто ты такой?» – «Как видите, я странник, – последовал ответ. – Я пришел в храм вчера вечером в сумерках. Остановиться на ночлег было негде, и я решил заночевать здесь, в молельне. Пока я предавался печальным раздумьям о своей горькой доле, о жизни, проведенной в бесконечных странствиях, вошел слепой музыкант-дзато². У него был вид усталого путника. Усевшись рядышком, мы беседовали о превратностях скитальческой судьбы, и я уже было подумал: „Вот мой истинный собрат“, как вдруг дзато вытащил шкатулку для благовоний и, сказав: „Не правда ли, хороша вещица?“ – бросил ее в мою сторону. Я поймал шкатулку правой рукой, и она тотчас же накрепко к ней прилипла. Я попытался отодрать ее левой, но прилипла и левая рука. Тогда я пустил в ход ноги, и они сразу же приклеились. Меж тем дзато обернулся громадным пауком, впился мне в шею и стал сосать мою кровь. В тот миг, когда муки мои достигли того предела, за которым жизнь обрывается, появились вы, мой спаситель. Отныне вы для меня как отец».

---

² *Дзато* – низшее из четырех официальных званий в Тодоза – исторической гильдии слепых (работавших, как правило, музыкантами, сказителями, массажистами). В обиходе это слово обозначает слепого человека.

О кошке-оборотне

Некогда правителем Осаки был Этидзэн из семейства Симада. Супруга его жила на востоке, в Эдо.

Однажды вечером его навестил дзато по имени Кото в сопровождении слепого отрока лет двенадцати-тринадцати. Всю ночь они слушали музыку. Уже под утро, когда был потерян счет выпитым чашам, все удалились на покой в соседнюю комнату. Едва они погрузились в крепкий сон, как слепой отрок, пришедший вместе с Кото, принялся будить их криками: «Вставайте! Вставайте!» Никто не отвечал, пока в конце концов сам правитель не соизволил осведомиться: «Что случилось?» – «Только что раздвинулись фусума и сёдзи, кто-то вошел в комнату», – отвечал отрок. «Посмотрите, кто там пришел!» – крикнул правитель. Все сразу же вскочили и при свете свечей осмотрели все вокруг. Кроме них самих и домашней любимицы-кошки, которая умильно играла хвостом, в комнате никого не было. «Это, видно, ему приснилось», – решили люди. Но отрок продолжал упорно твердить, что кто-то вошел в комнату. «Не болтай чепухи, не мешай спать!» – сердито прикрикнули на него люди и, надавав ему подзатыльников, снова улеглись.

Как-то раз, после дневного сна, выглянув в сад, правитель увидел, как эта кошка принесла в зубах рубашку малолетнего ребенка, встала на задние лапы и обернулась прелестной девушкой. «Ах вот оно что! – подумал Этидзэн. – Стало быть, мальчишка говорил правду. Это она вошла тогда в комнату через фусума и сёдзи». Кошка перемахнула через высокую ограду и скрылась. Дождавшись, пока она вернется, он приказал посадить ее в полотняный мешок и сбросить в реку с моста Тэмма. Кто-то из слуг пожалел ее, сказав: «Она так хорошо ловила мышей», но ему поведали обо всем происшедшем, и он больше не вступался за нее.

В священных книгах сказано, что тысячелетняя лиса может превратиться в красавицу, столетняя мышь – в колдунью. Старая же кошка может стать оборотнем с раздвоенным хвостом. Однако кошки бывают разными. Вот, например, кошка, живущая в моем доме. Масти она тигровой. Мышей не ловит, целыми днями лежит, свернувшись колечком, возле очага, но стоит побранить ее: «Экая ты лентяйка!» – как она тут же начинает носиться по комнате, только белые лапки мелькают. Чуть зазеваешься, она тут же стянет рыбу, к которой питает такое же пристрастие, как и все любители sake. От этой воровской привычки ее не отучить даже кнутом. Когти у нее загибаются, как крючки. Глаза у нее узкие, усы длинные, мордочка – хитрая-прехитрая. По утрам она прихорашивается, будто молодница, затем снова укладывается у боковой двери, но не спит и все чутко слышит, и если ее позвать, эта жеманная барышня прикидывается, будто ничего не слыхала. По ночам, когда ты ожидаешь свою возлюбленную, она ни за что не хочет разделить твоё одиночество, ложится возле жаровни и усердно облизывает лапки – до тебя ей нет никакого дела. Захочется тебе с ней поговорить, она не отвечает, принимая вид этакой отшельницы, которая отеклась от всех мирских уз: пусть судьба карает тебя за прегрешения, а она, мол, тут ни при чем.

О крысах

Некий человек, который жил в поместье Тада земли Цу, занемог. В то время как он лежал в постели, большая крыса стала грызть подошвы его ступней. Пришлось ее убить. Тут же явилась другая. Он прикончил и ее. Но крысы продолжали осаждать его дом. Тогда он обзавелся множеством кошек. Но и они не могли справиться с несметным сонмищем крыс. Он укрепил стены сосновыми досками, но крысы легко прогрызали самые толстые доски. В конце концов они съели его.

Выслушав рассказ об этом чудовищном происшествии, кто-то заметил: «Вероятно, он был болен проказой. В тот год, когда Осака подверглась осаде³, возле храма, что к югу от пристани, можно было видеть сироту-нищего, к тому же больного проказой. Однажды ночью его укусила крыса размером с колонка. С той поры крысы буквально не давали ему проходу. Он душил их удавкой, но число их не сокращалось, а росло. Сжалившись над ним, монахи построили для него сторожку из сосновых досок. Но крысы тут же прогрызли эти доски. Пытаясь отвязаться от них, он переходил из дома в дом, но и это не помогло, в конце концов его съели».

Яростные нападения несметных сонмов крыс, по-видимому, предопределяются судьбой. Трудно предвидеть, на кого может обрушиться это бедствие. Но если мы хотим продлить существование нашего бренного тела, коему, однако, в конце концов все равно суждено обратиться в дым, не следует заранее впадать в отчаяние.

---

³ Когда в 1603 г. Токугава Иэясу объявил себя сегуном, феодалы-даймё западных провинций объединились вокруг его противника Хидэёри, обосновавшегося в крепости Осаки. После длительной осады Иэясу взял крепость и расправился с ее защитниками. Эта его победа ознаменовала превращение Японии в централизованное государство.

О встрече с Высоким монахом

Некий самурай рассказывал:

«В ту пору, когда я еще был молодым удальцом, как-то вечером отправился я на охоту с собакой. Охота оказалась неудачной. Пройдя целый *ри*⁴, я присел на вершине горы, чтобы отдохнуть перед возвращением. Падая с влажных скал, печально звенели капли, в невысокой бамбуковой рощице шумел сильный ветер, вверху струилась Небесная река, но созвездье Субару⁵ не могло еще отражаться в росе, потому что она еще не выпала. Все тропы были усеяны палой листвой. Кое-где виднелась сеть пауков, которых называют *бамбуковыми крабами*. Слева и справа тянулись гряды горных вершин. Я встал и направился домой. Но тут на моем пути, из лежавшей передо мной долины, появилась какая-то огромная фигура. Фигура росла, волнами вытягиваясь вверх, и я понял, что это оборотень. Вот она уже вознеслась над вершинами окрестных гор. Приглядевшись, при тусклом свете звезд я различил бритоголового великана. Нетрудно было догадаться, что это Высокий монах, которым может обернуться, к примеру, старый барсук. Преодолевая сильный страх, я изготовил свой лук, натянул тетиву и возложил на нее стрелу. Все это время я не сводил глаз с нависшего надо мной монаха. Чтобы видеть его лицо, мне пришлось запрокинуть голову, так что волосы, стянутые узлом на затылке, коснулись ворота.

Пока я раздумывал, в какое именно место направить стрелу, оборотень вдруг растаял. В тот же миг погасли и звезды Небесной реки. Стало так темно, что я не видел дороги. Хуже того, я не знал, в какую сторону идти. Тогда я свистом подозвал пса, один конец своей головной повязки привязал к его ошейнику, другой – к своему поясу и пошел следом за ним. Вскоре мрак рассеялся, и я увидел перед собой свой собственный дом. С тех пор я никогда не хожу в горы один, беру с собой приятелей».

---

⁴ *Ри* – мера длины, равная 3,927 км.

⁵ *Небесная река* – Млечный Путь. Созвездье *Субару* – Плеяды, ярче всего в полночь, когда выпадает обильная роса.

О Горной деве

Один ронин⁶ рассказывал, что в бытность свою в Окаяме, в земле Бидзэн, гостил он как-то в горной хижине, и вот что поведал ему хозяин этой хижины:

«Однажды, охотясь за дичью, забрел я далеко в горы и встретила мне там девица лет двадцати, прекрасная обликом, в платье косодэ⁷ какого-то необыкновенного, неопишуемого цвета. И от ее волос исходил такой нестерпимо яркий блеск, что невольно закрадывалось сомнение, человек ли это.

Места эти были пустынные, там никогда не было ни души, и мне стало не по себе. Я схватил ружье, прицелился в нее и выстрелил. Но она поймала пулю на лету и, казалось, не только не обозлилась, но приветливо улыбнулась мне своими пионово-алыми устами. Я выстрелил во второй раз. И снова она перехватила мою пулю. В полной растерянности, ожидая самого худшего, я бросился наутек. Но она не стала за мной гнаться, и я благополучно воротился домой.

Позже один мой знакомый, человек почтенных лет, объяснил мне, что это была Горная дева. Того, кто понравится ей, она одаряет богатыми сокровищами. Но на что мне ее сокровища?»

---

⁶ *Ронин* – самурай, лишившийся сюзерена.

⁷ *Косодэ* – шелковое кимоно с короткими рукавами.

О призраке Роженицы

В четвертый год Канъэй⁸ одна из служанок моего родного селения, бывшая на сносях, умерла, не разрешившись от бремени. С тех пор она стала там появляться в облике Роженицы. В страхе перед ней дети запирали двери и опускали бамбуковые шторы. В ту пору я был в отъезде, но, когда я вернулся, мне рассказали об этом наваждении.

«Скажите мне, когда она появится», – попросил я. И вот как-то ночью – в час восьмой стражи – меня разбудила встревоженная матушка. «Что случилось?» – осведомился я. «Слышишь плач? Это она, Роженица», – ответила матушка.

Я слышал отчетливые звуки плача – протяжные, монотонные, лишь вначале немного выше, а в конце – пониже. Звуки замолкли, а немного погодя повторились снова. За это время плачущая, похоже, прошла не меньше двух кэнов⁹. Тоска, которая слышалась в ее голосе, до сих пор пронизывает меня насквозь.

При жизни Роженица была замужем за жителем этой деревни – Ёсити. После смерти она каждую ночь являлась в его спальню, не давая ему сомкнуть глаз. В конце концов Ёсити обзлился и привязал ее веревкой к столбу. Проснувшись наутро, он увидел лишь обрывки от веревки.

Сколько ни гнал он ее, она все продолжала приходить. Если он уходил в какой-нибудь другой дом, терзаемая любовной тоской, она следовала за ним и туда. На те деньги, что были у него припасены на черный день, он заказал заупокойную службу с чтением сутр. Но это не помогло. Ёсити был уже близок к отчаянию, но тут кто-то посоветовал ему: «Повесь на окно свою набедренную повязку». Так Ёсити и сделал. Утром повязки на окне не оказалось. Больше Роженица не приходила. Видно, и впрямь это надежное средство в таких случаях.

---

⁸ *Канъэй* – с 1624 по 1645 г. Канъэй (защита правосудия) – девиз правления (нэнго) японских императоров Го-Мидзуноо, Мэйсё и Го-Комё.

⁹ *Кэн* – мера длины, равная 1,81 м.

О кострах на полях былых сражений

Второго числа месяца идзоку¹⁰, одиннадцатого года Канъэй отправился я в селение Вакаэ. Вместе со мной было еще несколько попутчиков. Вышли мы в ту пору, когда только-только сгущаются сумерки и выплывает луна, в надежде насладиться прохладой. Осенний ветер печально шелестел в листе бумажной шелковицы. Светлячки, еще с лета сохранившиеся на ветвях вербейника, не мерцали. То ли они померкли в ожидании грядущих сражений, то ли молча оплакивали усопших. Тропинка перед нами, казалось, была вся усыпана жемчужинками, страшно было раздавить их. Росой были усеяны и листья риса в поле, через которое мы проходили. И вдруг, кэнах в тридцати перед нами, вспыхнуло ослепительное пламя. Его языки были длиной в четыре-пять сяку¹¹. Вздыхались они сразу по четыре или по пять, словно волны бушующего огненного моря.

Один из моих спутников рассказал: «Во время битвы первого года Гэнна¹² в шестой день пятой луны здесь полегло множество преданных и отважных воинов¹³. И теперь их души полыхают пламенем. Это, разумеется, не те костры, которые жгли ночами давно ушедшие стражи дворцовых ворот и о которых сложены такие стихи:

Как те костры,
Что стражи врат дворцовых
Ночами жгли когда-то,
Пылающая по ночам
Тоска любви моей незрима днем»¹⁴.

«Вряд ли когда-нибудь еще нам доведется увидеть подобное зрелище, – сказал я. – Давайте подойдем поближе, посмотрим». – «Не надо, – отозвался говоривший. – По мере того как мы будем к ним подходить, они будут отдаляться. Там, где мы стоим, тоже горят эти огни, только нам не дано их видеть». – «Огни пылают на самом рисовом поле или на межах?» – полюбопытствовал я. «И там, и на дамбах, и в канавах – везде».

Миновало уже более двадцати лет, но души павших по-прежнему обитали здесь, в этих ярко пламенеющих огнях. Глядя на них, казалось, мы слышали воинственные кличи, доносящиеся с поля брани. Мы не стали больше рассматривать огни и с молитвой на устах возвратились домой. Все это я видел собственными глазами.

---

¹⁰ *Идзоку* – седьмой месяц японского лунного календаря.

¹¹ *Сяку* – японская пядь, мера длины, первоначально обозначавшая расстояние между кончиками раздвинутых пальцев, большого и указательного. В настоящее время стандартизирована как 10/33 м, или приблизительно 30,3 см.

¹² *Гэнна* («начало согласия») – девиз правления императора Го-Мидзуноо, использовавшийся с 1615 по 1624 г.

¹³ Имеется в виду знаменитое сражение, в котором войска Токугавы Иэясу разгромили сторонников Хидэёри.

¹⁴ Танка из поэтической антологии XII в. «Собрание словесных цветов» (Сика-сю; 1151–1154).

О фрейлине Кодзайсё и призраках

Этот рассказ поведал мне дзато, бывающий у нас в доме.

– Наставник, который учил меня сказу о доме Тайра, – Хосияма Кото из Амагасаки, что в крае Сэтцу, – так остерегал меня: «Некий человек, разучивая главу „Фрейлина Кодзайсё“ из Девятого свитка¹⁵, лишился уха. Будь же вдвойне осмотрителен при изучении этой главы». – «Как это случилось?» – полюбопытствовал я.

– Есть у меня среди дзато приятель по имени Данъити, – начал наставник. – Человек он бедный и благочестивый. Как-то со знакомым проводником отправился он на Цукуси¹⁶, чтобы заработать себе на пропитание. По пути туда завернул он в Акамагасаки, что в земле Тюгоку, где жил у него давнишний приятель. Но тот не смог его принять, и на несколько дней пришлось ему остановиться в храме секты «Чистой Земли»¹⁷. В этом храме находились запущенные, покрытые вековыми мхами могилы, каменные надгробья и поминальные дощечки клана Тайра, который сгинул без следа в давние годы Дзюэй. Связь с теми временами была давно прервана, никто более уже не посещал кладбище, о прошлом скорбели лишь разросшиеся травы в каплях росы да вечно шумящие сосны.

Данъити поселился в покое, предназначенном для гостей. Однажды, в предрассветную пору, когда сон перенес его в родимые края, кто-то громко постучал в дверь. «Кто там?» – спросил он, пробудившись. «Я служанка знатной госпожи, – ответил женский голос. – Сегодня ночью ей скучно, и она желает, чтобы вы развлекли ее какими-нибудь интересными историями. Выполните же ее желание».

Дзато всячески отговаривался, но служанка вошла в комнату, взяла его за руку и, повторив: «Вы должны выполнить ее желание», повлекла за собой. Они вошли в высокие, красиво изукрашенные ворота и поднялись по каменным ступеням дворцовой лестницы. Лестница была великолепная, с яшмовыми перилами. Проходя сквозь покои, дзато касался рукой парчовых занавесей. Ветерок, пролетающий сквозь бамбуковые шторы, приносил редкостное благоухание. Вскоре они оказались в просторном покое на самом верху башни. Пройдя мимо длинных рядов служительниц, они приблизились к благородного вида даме, которая восседала на высоком сиденье.

«Я рада, что ты пожаловал, дзато, – заговорила дама. – Прочитай мне какую-нибудь главу из „Повести о доме Тайра“. Ну, начинай! Не тяни». – «Какую именно главу вы хотели бы услышать?» – спросил он. «Мне очень нравится глава „Фрейлина Кодзайсё“. Она такая трогательно-прекрасная!» Он пробежал пальцами по четырем струнам лютни и, то возвышая, то понижая голос, начал читать «Сказание о доме Тайра». Собравшиеся слушали его с молчаливым восхищением.

Когда он наконец умолк, подали чай и сладости. «Твое чтение так выразительно, а звучание струн так сладостно! – похвалила госпожа. – Отдохни же немного! Если истошились даже силы воинства, прошедшего от долины Ити-но Тани до острова Ясима, то что же сказать о фрейлине Кодзайсё! Сколь недолгим оказалось ее супружество с правителем земли Этидзэн! Как страдала она, навеки разлучившись с любимым! Удивительно ли, что она бросилась

---

¹⁵ «Повесть о доме Тайра» («Хэйкэ моногатари») – знаменитый исторический роман-хроника о борьбе двух кланов – Тайра и Минамото. Но еще до того, как сложился роман, «Повесть» бытовала в форме устного сказа, который исполнялся слепыми сказителями-бива под аккомпанемент лютни. Глава «Утопленница Кодзайсё» повествует о гибели дамы Кодзайсё, которая, не перенеся разлуки с погибшим в битве супругом, правителем земли Этидзэн, бросилась в море.

¹⁶ Цукуси – старинное название острова Кюсю.

¹⁷ Секта «Чистой Земли» (Дзёдо) основана преподобным Хонэном (иначе Гэнку; 1133–1212) – буддийским проповедником. Учение секты гласит, что достигнуть нирваны можно, только уверовав в Будду Амиду, чтобы возродиться в его раю – Чистой Земле Запада.

в пучину вод?! Не менее достойна сожаления и судьба Митимори, который полюбил ее еще шестнадцатилетней девой. При одной мысли о том, какое отчаяние охватило его в той безнадежной схватке у реки Минато, из глаз исторгаются слезы». Рукава всех, кто там был, так обильно напитались слезами, что их можно было отжимать.

Через некоторое время госпожа попросила прочитать еще главу. «Что вы хотели бы услышать?» – спросил дзато. «Ту же самую главу. Нет ничего более захватывающего». Не смея ей перечить, он снова ударил по струнам лютни и стал нараспев читать «Кодзайсё». Неожиданно, в самой середине повествования, послышался голос приютившего его старца, настоятеля храма: «Зачем ты пришел сюда и кому рассказываешь о доме Тайра?» Внезапно очнувшись, дзато отложил лютню и пошарил вокруг себя руками. Там, где, как ему представлялось, сидела госпожа, его рука наткнулась на могильный камень. Вместо служительниц оказались густо поросшие мхом поминальные дощечки. «Где я?» – пораженный, спросил он. «На храмовом кладбище, – объяснил старец. – Эти каменные надгробья – могилы Кодзайсё и ее свиты». К этому времени уже рассвело, со всех сторон доносились шаги и говор людей.

«Когда служки пришли тебя разбудить, – продолжал старец, – они не нашли на месте ни тебя самого, ни твоей лютни. Твое ночное одеяние валялось рядом с изголовьем. Когда мне доложили об этом, я подумал: уж не ушел ли ты, обидевшись на что-нибудь. Но тут я услышал негромкие звуки лютни и понял, что ты здесь неподалеку». Данъити рассказал обо всем, что с ним произошло. «Вот оно что! – раздумчиво проговорил настоятель. – Смотри, не выходи сегодня наружу. Если послушаешься моего совета, ты погиб. Отрывок из „Сказания о доме Тайра“ ты читал самой фрейлине Кодзайсё, вернее, ее призраку. Уж если она начнет преследовать кого-нибудь, спастись от нее нелегко. Но я постараюсь тебе помочь!» Старец велел дзато совершить омовение, а затем со всех сторон исписал его тело письменами-заклятьями от духов и речениями из Сутры Мудрости. Однако, по случайной оплошности, он не начертил ни одного знака на левом ухе дзато. В заключение старец сказал: «Этой ночью за тобой придут снова. Что бы тебе ни говорили, молчи. И ничего не бойся!»

И действительно, с наступлением сумерек послышался тот же самый женский голос. Весь съежившись от страха, дзато чувствовал, как ее рука шарит по его телу. «Вот удивительно! Его здесь нет!» – воскликнула женщина. И тут вдруг она нащупала его ухо, не защищенное заклетьями. Одним рывком она вырвала ухо и ушла. Какую боль при этом испытал бедный дзато – не передать словами.

Когда он поведал настоятелю обо всем, что с ним произошло, тот, спохватившись, вскричал: «Я и впрямь не написал никаких знаков на твоём ухе! Какая досада! И все же, милостью Будды, ты спасен. Завладев твоим ухом, духи отныне оставят тебя в покое».

Словами: «С тех пор его и прозывают Одноухим Данъити» – рассказчик закончил свое повествование.

Судзуки Сёсан

Повести о карме¹⁸

О том, как ревнивая жена после своей смерти преследует мужа, пока не сводит его в могилу, а также о том, как некая женщина после смерти обращается в змею и обвиняет мужчину

В земле Этиго, в уезде Оонума жил человек по имени Ёсида Сакубёэ. Родом он был из Синано Дзэнкоодзи. Однажды, когда он навещал семью, которая там оставалась, ему приглянулась служанка. Он уговорил ее бежать вместе с ним в Оонуму. Прознав об этом, его супруга пришла в сильную ярость и хотела тотчас же отправиться в Оонуму, чтобы высказать накипевшую у нее на сердце обиду. Но соседи уговорили ее отказаться от этого намерения. С тех пор она стала чахнуть душой и телом.

Когда к ней, с выражением сочувствия, явился воспитанник их семьи, мелкий чиновник Бухёэ, служивший под началом ее супруга, она сказала ему: «Причина моей тяжелой хвори – жестокая обида, нанесенная мне мужем». – «Какая беда! Какая беда!» – сострадая ей, заохал Бухёэ. Тогда госпожа, вся в слезах, стала его умолять: «Пока я еще жива, заклинаю тебя, убей его полюбовницу и принеси мне ее голову. Если это мое желание останется невыполненным, это станет преградой на пути моего будущего возрождения».

Не смея ослушаться, Бухёэ поспешил в Оонуму, в отсутствие Сакубёэ выманил из дому и тайно убил его любовницу, а затем отнес ее голову в Дзэнкоодзи. При его появлении госпожа приподнялась на ложе и, молитвенно сложив ладони, с радостной улыбкой воскликнула: «Какое счастье, какое великое счастье! Все это время мою душу сжигал гнев! Я была погружена во мрак отчаяния. Но теперь я очистилась от лютой злобы, обрела наконец покой!» Она схватила голову и стала зубами выдирать волосы. Вид ее был поистине страшен.

«Вы ведете себя как дикий зверь!» – сказал возмущенный Бухёэ, отнял у нее голову, схоронил ее и отправился к себе домой.

Вскоре она умерла.

Но и после своей смерти, являясь в телесном обличье, она продолжала преследовать мужа. Как-то раз она подъехала в экипаже к воротам дома Сакубёэ. Увидев ее, смертельно испуганный слуга закричал: «Приехала почтенная госпожа из Дзэнкоодзи». В тот же миг она исчезла, растворилась в воздухе, к изумлению слуги и возницы. В другой раз, ночью, она забралась в спальню хозяина дома и стала его душить. Сакубёэ в страхе вскочил, и она тут же пропала без следа. Ни молитвы, ни заупокойные службы – ничто не помогало против ее преследования. Случалось, она объявлялась даже и днем, и многие ее видели. Охваченный ужасом, Сакубёэ переезжал из одного дома в другой, но призрак уже был тут как тут.

В конце концов пережитые муки и страх свели Сакубёэ в могилу.

Оставшийся после него сын живет теперь в земле Этидзэн. В Этиго история его семьи слишком хорошо известна, чтобы он мог там жить.

В годы Канъэй недалеко от столицы, в Охаро, жил буддийский монах по имени Нёо. Когда его спросили, почему он принял постриг, он рассказал свою историю.

---

¹⁸ Перевод В. Мазурика.

В прежние времена он жил в столице и занимался плотницким ремеслом. Когда его супруга умерла, он женился на ее племяннице. И вот однажды, когда он отдыхал днем, с потолка спустилась змея и, угрожающе выпустив жало, стала к нему подползать. Он схватил ее и выбросил из дома. Но она приползла снова, кольцами обвила его шею, и с тех пор он никак не мог от нее отделаться. Даже после того, как он принял постриг, стал нищенствовать, она продолжала обвивать его шею. Она исчезла лишь тогда, когда он поднялся на вершину священной горы Коя-сан¹⁹.

Три года провел монах в тамошнем монастыре, но, когда он покинул его и стал спускаться, змея снова обвилась вокруг его шеи. Чтобы не пугать окружающий люд, он закутался в полотенце. Спасло его лишь поклонение святому Гонъё из храма Земли Воздаяния, что возле дзэнского храма Сёококудзи в Верхних кварталах столицы. Святой обратился со своим заступничеством к Амиде. Да и сам монах истово возносил моления всеблагодарному Будде. Лишь тогда змея перестала его преследовать.

* * *

За два-три года до осакского сражения в городке Инрэй земли Суруга, в четырех-пяти кэнах от дома Харады Дзиродзаэмона, что близ Лисьего мыса, проживал некий человек. Отправившись однажды в край Синсю, он обзавелся там подругой. Когда он вернулся к себе домой, эта женщина последовала за ним. Она была очень дурна собой, просто страхолюдина. При ее появлении хозяйка дома бежала, проклиная своего мужа. Он же отвез свою подругу в Михо, где на прибрежных дюнах растут сосновые рощи, пригласил ее покататься на лодке и утопил.

Однако после своей смерти эта женщина обернулась змеею и обвилась вокруг поясницы этого человека. Как ни старался он избавиться от нее, все было тщетно. Пришлось ему поселиться в монастыре на горе Коя.

---

¹⁹ *Коя-сан* – на священной горе Коя был расположен монастырь эзотерического буддизма Отгон, основанный в 806 г. Кукаем. Кукай (или Кобо Дайси, а также Коя-но дай-си) – высший буддийский сановник, прославленный ученый и каллиграф.

О том, как заговорил конь, а также о том, как заговорила собака

Однажды в Канагаве, что в крае Бусю, некий путник остановился на ночлег в доме у незнакомых ему хозяев. Утром, когда он собрался уходить, шел дождь, и он накинул на себя хозяйское хаори²⁰. И вдруг послышался чей-то голос: «Почему ты надел хозяйское платье?» Путник огляделся по сторонам, но не увидел никого, кто мог бы это произнести. Но тот же голос повторил: «Почему ты надел хозяйское платье?» – и только тогда путник понял, что говорит конь.

«Но тебе-то какое дело?» – спросил он коня. И тот ответил: «Я умерший родственник хозяина. Он сделал мне много добра, и чтобы отплатить ему за эти благодеяния, я возродился в облике коня. За мной остается еще долг в семьдесят пять монов. Вот уплачу его, и на том мы расстанемся».

Испуганный путник подробно поведал обо всем хозяину. «Вот дивное дело, – изумился тот. – В работе с этим конем не сравнится ни один другой. Настоящий трудяга!» А тут как раз зашел сосед и попросил ему одолжить коня за семьдесят пять монов. Едва он выложил эти деньги, конь тут же окошел.

Случилось это в годы Канъэй. А рассказал об этом Найто Рокуэммон. Его рассказ заслуживает полного доверия.

В дом к одному из псарей полководца Хидэёри пришел некий человек и попросил его жену продать свежей собачьей печени. Поторговавшись, они сошлись на цене в три серебряные монеты. Когда жена псаря повела собаку на задний двор, та внезапно повернула к ней морду и сказала: «Ты суцая злодейка». Услышав это, покупатель, который шел за ними следом, в страхе сбежал.

Когда возвратился бывший в отлучке муж, жена пожаловалась ему: «Сегодня я упустила три серебряные монеты». Выслушав ее, муж ужаснулся и сказал: «А ты и впрямь суцая злодейка». В тот же день он покинул свой дом и больше никогда там не появлялся, бесследно исчез.

---

²⁰ Хаори – короткое верхнее кимоно, парадная накидка самурая с гербом сюзерена.

О том, как скряга превратился в «голодного беса», а также о том, какими тягостными муками караются прегрешения

В крае Госю, в деревне Исихара, что в долине Хино, жил богач по имени Досэцу. Ни в скупости, ни в беспутстве не было ему равных. В семьдесят лет он превратился в «голодного беса»²¹. Предаваясь чрезмерному чревоугодию, за день съедал он четыре-пять сё²² риса и наконец умер, корчась в ужасающих мучениях. На шестидесятый день после похорон дух умершего вселился в его жену. Дней десять кряду ее уста твердили одно: «Хочу есть, хочу есть...» Лишь после совершения всех заупокойных обрядов избавилась она от этой напасти.

Обжорством страдал и старый брат этого Досэцу. Кушанья ему носили целыми ушатами. И днем и ночью. Так он мучился, пока не помер. Эту подлинную историю мне рассказали в Ооцуке.

В деревне Кабата края Госю некто Магоэмон при посвящении в монахи получил имя Сайгэн. На его долю выпали неслыханные муки. Однажды его всю ночь напролет терзал огромный монах-оборотень. На следующую ночь явился злой дух, связал его и стал погружать поочередно то в пламя, то в воду. Он убежал и спрятался в нужнике, но злой дух отыскал его и там и снова повлек на лютую казнь. Так продолжалось пятьдесят ночей, пока монах не умер. Рассказал мне об этом, со слов местного чиновника Дзиэмона, Хэйэмон.

Жил в Суруге богач по имени Этидзэн. Алчность его превосходила все пределы.

На исходе шестой луны двадцатого года Канъэй он тяжело занедужил и, чуя приближение смерти, насыпал целую тарелку золота и серебра и попросил своих домочадцев: «Потратьте эти деньги на мое спасение». Но и это не спасло его. Целых двадцать дней в жестоких страданиях он стонал: «Умираю! Умираю!» И когда он наконец умер, кончина его была поистине ужасной.

Когда его клали в гроб, он вдруг ожил и принялся ползать. Сколько его ни били собравшиеся на похороны, он все не умирал. Пришлось его зарубить. Никому не ведомо, как погребли его останки. Так был он наказан за свою алчность.

Жил в столичном квартале Нисиуоя торговец Хонэя Ёсэмон, он поставлял рыбу к императорскому столу. Этот Хонэя Ёсэмон отличался безмерной скарденностью.

На старости лет он решил принять монашество. Но ни одна бритва – а он сменил их семь штук – не брала его волосы. Пришлось ему пустить в ход ножницы. Кое-как, с превеликим трудом, состриг он наконец волосы.

Однако монашество его длилось недолго. Однажды почувствовал он во всем теле нестерпимый жар. Ничто, никакие заботы окружающих не могли умерить этот жар, и в конце концов он бросился в колодец и утонул. Случилось это в семнадцатом году Канъэй, а поведал обо всем происшедшем Суйо.

Мать некоего Такакуры Сёэмона из квартала Тэмма города Осаки была невероятно скупа. Свою невестку она просто-таки сживала со свету.

Когда ей перевалило за семьдесят, напал на нее злой недуг, который быстро привел ее к смерти. Умерла она в ужаснейших муках.

---

²¹ По буддийскому вероучению, человек, впавший в грех алчности, после смерти будет ввергнут в Мир голодных бесов (*санскр.* прета), где его будут терзать голод и жажда. Даже если получится раздобыть еду или питье, это не приносит облегчения: стоит «голодному бесу» поднести их ко рту, как пища превратится в пламя.

²² Сё – мера емкости, 1,8 л.

На третий день после ее кончины под москитный полог, натянутый над постелью невестки, заползла огромная жаба и несколько раз укусила молодую женщину. Служанки сразу же смекнули, что это покойница, и стали ее стыдить и бить, после чего она больше уже не приходила. А невестку отправили в паломничество к буддийским и синтоистским святыням.

Супруга Кадоя Эйсюна из столичного квартала Синдзайкэ постоянно хворала. «Вот напасть на мою голову, – все время ворчал он. – Никакой тебе помощи, одни только лишние хлопоты. Хоть бы померла поскорее!» Его супруге становилось все хуже и хуже, и вот, перед самой смертью, она велела позвать мужа и обратилась к нему с такими словами: «Вы часто говорили, что вот, мол, хорошо было бы, если бы я поскорее умерла. Сегодня ваше желание исполнится».

Почувствовав некоторый стыд, Эйсюн стал оправдываться, но жена его не слушала. Вскоре она рассталась с жизнью.

Через день-другой, в глухую полночь, кто-то постучался в заднюю дверь дома. Эйсюн – он ночевал в соседней со спальней комнате – проснулся и спросил: «Кто там?» – «Откройте дверь», – потребовал голос жены. Обмирая от страха, Эйсюн спрятался в спальне и запер дверь на засов.

«Напрасно стараетесь. Я могу войти и через переднюю дверь», – пригрозила покойница. Тут же с шорохом раздвинулась передняя дверь, она ворвалась в комнату и, набросившись на мужа, вцепилась зубами ему в плечо.

На шум прибежали домочадцы. Они затеплили светильник и увидели лежащего на полу в беспамятстве Эйсюна.

На помощь пригласили лекаря Согу, который жил в доме напротив. С большим трудом, с помощью укрепляющего лекарства, удалось ему привести в чувство Эйсюна. Прошло много времени, прежде чем раны от укусов на его плече наконец зажили.

Обо всем этом правдиво поведал некто Сёан, который жил в том же квартале.

А было это в начале годов Канъэй.

О том, как в могильном холмике вспыхнуло пламя, а также о том, как вылетел огненный шар из могилы

На востоке земли Микава, в деревне Уэно, что поблизости от Итиномия, в седьмой день после смерти жены кузнеца Хёэ Горо в ее могильном холмике открылось отверстие размером в чайную чашку, а в нем пылало пламя, как в кузнечном горне.

После праздника поминовения усопших там побывал мой ученик Дзэнсай. Когда он сунул в отверстие веточку молодого бамбука, она тут же загорелась. Совершая похоронный обряд, душу покойной напутствовал служитель дзэнского храма Сёгэнъин, что в Нагаяме. Позднее настоятелем этого храма стал преподобный Гюсэцу. Сам же Хёэ Горо почил в третью годовщину смерти жены. Случилось это в пятый год Канъэй.

В деревне Ноэ, находящейся к северу от Осаки, в двадцать третий день седьмой луны одиннадцатого года Канъэй пятидесяти лет от роду умер человек по имени Нихёэ из амидаистской секты Икко²³.

Из его могилы вылетел огненный шар наподобие мяча для игры в кэмари²⁴. Несколько раз взмыв и опустившись, он поплыл наконец на высоте два-три сяку по направлению к дому покойного. По дороге он облетел все окрестные возделанные поля. Над одним из них он вдруг рассыпался на целое облако искр. Кроваво-алым потоком опустились они наземь. Затем огненный шар возник вновь и, прокатившись по коньку крыши дома, где жил Нихёэ, вернулся в могилу. Так повторялось каждую ночь, в четвертую стражу²⁵. Видели огненный шар все жители Ноэ. Видели, разумеется, и сыновья сельского старосты Сакубёэ, старший и младший. Старший – было ему тогда то ли семнадцать, то ли восемнадцать – несколько дней после того прохворал.

В месте, именуемом Миноура, в крае Госю умер последователь секты храма Хонгандзи²⁶. Каждую ночь из его могилы вылетал огненный шар размером с детский мячик.

Однажды он пролетал над большим скоплением народа. За ним погнались, хотели его поймать, но он ускользнул от своих преследователей. А как-то раз он залетел в дом к покойному. Все домочадцы убежали в отдаленный, лежавший за несколько селений от того места храм. Было известно, что усопший не доверял священнослужителям, поэтому заупокойную службу по нему не совершали. Впоследствии огненный шар побывал во всех домах его родственников. Очевидцем всего этого был монах Соан. Он-то и поведал об увиденном.

---

²³ После образования в XII в. секты Дзёдо амидаизм становится одним из основных направлений японского буддизма. «Икко» – буквально означает «полное погружение» (в молитву).

²⁴ *Кэмари* – разновидность игры в ножной мяч.

²⁵ *Четвертая стража* – время с часу до трех ночи.

²⁶ *Храм Хонгандзи* – центр одной из десяти школ сект Истины «Чистой Земли», основанной проповедником Синраном. Секта проповедовала амидаистский буддизм.

О том, как некий монах попал в ад еще при жизни, а также о том, как некий человек погрузился в «кипящий ад»

Трое паломников направлялись к огнедышащей горе Ундзэн в земле Бидзэн. Один был горожанином из земли Бунго, другой – монахом из Бидзэн, третий – ронином, неизвестно откуда. Случилось им заночевать в местном буддийском храме.

Монах попробовал погрузить палец в «кипящую котловину»²⁷. «Не так уж и горячо», – удивленно вымолвил он. Но, вытащив палец, он почувствовал вдруг нестерпимое жжение. Пришлось ему снова погрузить в воду свой палец. Так он проделал несколько раз, и с каждым разом погружал руку все глубже, пока она не скрылась целиком. Вскоре над поверхностью осталась лишь его голова. «Что-то с непреодолимой силой тянет меня вниз», – выкатив глаза, жаловался он. Ему было страшно и горестно.

В конце концов двое его спутников со слезами на глазах вынуждены были оставить его и пуститься в обратный путь. От них-то я и услышал рассказ о том, что случилось с монахом.

Было это в годы Канъэй.

В земле Симцукэ, в трех тё²⁸ от Насу-но Юдзава, есть «кипящая котловина».

Некий Кёдэн из Насу собирался пойти в горы за хворостом, но завтрак запаздывал, и он боялся, что отстанет от своих спутников. Разозлившись на мать, он пнул ее так сильно, что она упала.

Проходя мимо котловины, он – неожиданно для всех – свалился в нее. Подоспевшие спутники схватили его за голову, пытались удержать, но тщетно – он весь ушел в котловину.

И теперь еще то место называют «Преисподняя Кёдэна». Если там произнести имя Кёдэна, котловина тотчас забуллит.

Литейщик Итихёэ из деревни Усикубо края Сансю похитил колокол синтоистского храма, что стоит на горе Исимаки.

В начале годов Канъэй он совершал паломничество к божественной горе Хакусан²⁹. На восьмом ярусе горы он вдруг остановился, застыв как каменное изваяние, а вокруг него взвились языки пламени. «Видимо, он умер, – сказали другие паломники. – Теперь это место осквернено». И они поспешили вверх.

На обратном пути они увидели застывшее тело Итихёэ точно таким же, каким его оставили, с бушующими вокруг него языками огня. В страхе перед свершившимся они торопливо спустились с горы.

На следующий год на горе Хакусан побывал некий пилигрим из восточной части земли Микава. Все было точно так же, как в прошлом году. Однако на обратном пути он увидел, что тело Итихёэ исчезло.

На том месте, где он некогда стоял, застывший как изваяние, теперь валит дым. С края высится скала высотой в пять-шесть сяку. Она так горячо накалена, что к ней невозможно прикоснуться.

Обо всем этом, уверяя в правдивости своего рассказа, поведал страж дзэнского храма по имени Нода-но Иан.

---

²⁷ «Кипящий ад» («котловина») – горячий источник, вода в котором иногда окрашена в красноватый цвет из-за содержащихся в ней солей.

²⁸ Тё – мера длины, равная 109,09 м.

²⁹ Хакусан – священная гора, почитаемая в синтоизме наряду с горой Фудзи и горой Татэяма.

О том, как умершая роженица стала призраком, а также о том, как народилось бесовское отродье

В деревне Сэки, что лежит на востоке земли Микава, поблизости от Ёсида, был староста по имени Ядзиэмон. Жена его умерла девятнадцати лет, при тяжелых родах. После смерти она сделалась призраком, стала блуждать вокруг дома. Пришлось родственникам обратиться в дзэнский храм Мёгондзи, и преподобный Гюэцу, совершив заупокойную службу, укротил ее дух.

В уезде Убарада земли Кавати жил некто Кохёэ. Мать его была на редкость простодушная женщина, и злая невестка, надевая маску черта, часто пугала ее.

Мать Кохёэ, случалось, предостерегала невестку: «За каждое наше дело, доброе или дурное, непременно следует воздаяние. Смотри, как бы тебя не постигла беда». Вскоре она покинула этот мир. А у молодой женщины родилась дочь с длинными, сунов³⁰ в восемь, клыками. Она пыталась скрыть это от мужа, но в конце концов тайна обнаружилась.

Было это во второй год Сёхо, а услышал я этот рассказ от Наэ Сакуэмона.

---

³⁰ *Сун* – мера длины, равная 3,03 см.

О том, как монах беседовал с призраком, а также о том, как монах сражался с призраком

Есть в крае Осю, в Айдзу Мацудзава, дзэнская обитель, храм Сёотакудзи.

Когда на могиле некоей умершей женщины ставили поминальную дощечку, настоятель этого храма неверно написал один знак, и старец Сюка вынужден был поправить его начертание. Возмущенные невежеством настоятеля, прихожане изгнали его. Новым настоятелем стал преподобный Сюка.

Однажды к нему явился призрак усопшей. «Я попала в преисподнюю, терплю поистине невероятные муки, – сказала она. – Вызовите меня отсюда!» – «Все начинается и кончается Озарением. И где же, по-твоему, находится преисподняя?» – «А ты взгляни на меня, и поймешь». – «Я вижу: ты воплотила в себе сокровенную суть Будды». – «Нареки же меня!» – «Я нарекаю тебя монахиней Самадхи, порождением Изначальной Пустоты»³¹.

Выслушав последние слова настоятеля, призрак исчез.

Поведал мне об этом сам старец Сюка.

В земле Симоса, в нитирэновском³² храме Мёфукудзи, что в Тоганэ, был монах Кёдзюбо, отличавшийся неимоверной силой. Как-то на рассвете, идя в храм, встретил он монаха-оборотня.

Кёдзюбо, недолго раздумывая, вступил с ним в отчаянную схватку. Казалось, победа уже близка, как вдруг оборотень укусил его в руку. Монах рухнул как подкошенный, в полном беспамятстве. Подоспевшие люди увидели, что в руку ему впился зубами выбеленный ветром и дождями череп. Настоятель постучал по черепу четками, и только после этого он отвалился. Монах прохворал сто дней, но все же поправился.

Было это в конце годов Тэнсё.

В храме Эйкодзи, что в Айдзу Наганума, был некий монах по имени Кинсацу. Однажды ночью он вышел из своей кельи по малой нужде. Справляя нужду, он почувствовал, что за спиной у него кто-то стоит. Обернувшись, он окликнул незнакомца, но тот ничего не ответил.

«Видно, это нехороший человек», – подумал монах и напал на предполагаемого злодея. Однако, к его изумлению, тот устоял на ногах. На шум выбежал старший монах и стал сердито бранить незнакомца. При первых же его словах тот упал. Когда зажгли фонарь, на этом месте увидели надгробную дощечку с такой надписью: «На все десять сторон простирается земля Будды, есть лишь один-единственный путь Спасения³³, не два и не три, все учения, не основанные на слове Будды, суть лишь приманка для непосвященных». Дощечка эта предназначалась для поминовения в тринадцатую годовщину смерти.

Вот что поведал преподобный Сюка.

---

³¹ Самадхи (санскр.) – Созерцание, последнее звено восьмеричного пути к «освобождению», нирване. Изначальная Пустота (Шунья) – одно из основных понятий философии буддизма Махаяны.

³² Нитирэн – монах, основавший во второй половине XIII в. секту Лотоса – «Нитирэнсю» (или «хокэсю»).

³³ Имеется в виду экаяна, учение «Сутры Лотоса», проповедуемое сектой Синрана.

Ихара Сайкаку

Рассказы из всех провинций³⁴

Мир широк. Все края обошел я и всюду искал семена, из коих вырастают рассказы. И вот узнал я, что в горной глуши Кумано водятся рыбы, привольно плавающие в кипящих водах горячих ключей; в краю Тикудзэн растет редька, столь огромная, что нести ее нужно вдвоем, продевши на палку; в Бунго – бамбук-исполин такой толщины, что разрежь его на куски – вот тебе готовые кадки... В Вакаса обитает монахиня, а лет ей от роду – двести; в Катада живет женищина-великаниша ростом в пять сун и семь сяку; в Тамба воздвигли храм, где поклоняются огромному сушеному лососю длиной в дзё³⁵ и два сяку; в Мацумаэ растут морские водоросли длиной в триста кэн; в Ава, близ морской быстрины Наруто, имеется сундучок морской девы, дочки владыки моря Дракона; на горе Сираяма, что в краю Кара, хранится кошелек властителя ада Эмма³⁶; в Синано, в местности Нэдзамэ есть ларчик с огнем самого Урасима; в Камакура – тетрадка, куда заносил расходы сам Ёритомо; в Сага, бывшей столице, женищины вплоть до сорока лет ходят в кимоно с длинными рукавами...

Поразмыслишь об этих чудесах и убедишься, что люди – настоящие оборотни, и нет такой диковины, коей не нашлось бы на этом свете.

---

³⁴ Перевод И. Львовой.

³⁵ Дзё – старинная мера длины, чуть больше 3 м.

³⁶ Эмма (санскр. Яма, кит. Янь-ван, Янь-ло) – в буддийской традиции Китая и Японии властитель загробного мира, вершащий суд над умершими.

Свиток первый

*Стоя, путник, и сойди с коня,
Послушай недавних лет рассказы
Из всех провинций!*

Смекалка, или Тяжба, решенная ко взаимному удовольствию *О том, что случилось в одном из храмов города Нара*

Фудзивара Каматари, великий канцлер, дабы вернуть сокровища, похищенные дочкой владыки моря Дракона, пригласил из столицы искуснейших музыкантов и повелел им играть на водах. Два барабана, кои при сем звучали, поступили затем на хранение, один – в Великий Восточный храм Тодайдзи, другой – в Великий Западный храм Сайдайдзи, в городе Нара.

Со временем барабан из Сайдайдзи передали во владение храма Ниси-Хонгандзи, в столичный город Киото, где он звучит и поныне, оповещая жителей о наступлении определенного часа. Много лет назад, когда на барабане меняли кожу, на внутренней стенке корпуса обнаружили надпись, рассказывающую о способе изготовления чудодейственного лекарства – пилюль «хосинтан», коими славился храм Сайдайдзи. Этот барабан, снаружи деревянный, изнутри расписан золотой и серебряной краской и украшен яркими рисунками, изображающими сонмы небесных воинов-хранителей Будды. Поистине другого столь роскошного барабана не найдется во всей Японии.

Что до второго барабана, то он остался в храме Тодайдзи, и потому всякий раз, как с наступлением Нового года совершалось особо торжественное богослужение и возникала нужда в этом барабане, соседний с Тодайдзи храм Кофукудзи брал его взаймы для отправления службы.

Как-то соседи вновь попросили барабан, но монахи храма Тодайдзи ответили отказом, причинив тем самым немалые затруднения храму Кофукудзи. Пришлось самому настоятелю вместе с главным жрецом храма Касуга вторично обратиться в Тодайдзи с просьбой – дать барабан хотя бы в последний раз. Те в конце концов с неохотой дали, и в храме Кофукудзи отслужили службу, как полагалось.

Вскоре из храма Тодайдзи прибыли посланцы с просьбой возвратить барабан, однако монахи храма Кофукудзи и не думали отдавать его обратно и в превеликом волнении собрались в храме на совет.

– Столько лет мы брали у них барабан, а нынче они вдруг отказывают! Нет, по-хорошему, в целостности и сохранности мы им барабан не вернем! Его прежде разломать надо, кожу изодрать в клочья, – кричали одни. Другие же добавляли: – Нет, этого мало! Лучше сожжем его дотла в поле Тобухи!

В особенности ярились молодые, задиристые монахи; громкий крик стоял в главном притворе храма, унять буянов было невозможно.

Тогда выступил вперед престарелый монах, ведавший обучением послушников, и сказал:

– С самого утра внимаю я вашим словам, и все они – во вред государству! Есть способ вернуть барабан целым и невредимым и в то же время устроить так, чтобы он навеки перешел в наше владение!

И вот они стерли с внутренней стенки прежнюю надпись «Тодайдзи» и сызнова написали то же название, но свежей тушью, после чего вернули барабан, никого не оповестив о своем поступке. В храме Тодайдзи обрадовались, бережно спрятали барабан и больше не доставали.

На следующий год, перед началом богослужения, из храма Кофукудзи в храм Тодайдзи послали монаха и велели ему сказать следующее: «Я прибыл, как обычно, за нашим барабаном, каковой мы временно оставляли вам на хранение!» Услышав такие слова, монахи храма Тодайдзи чрезвычайно разгневались, избили посланца и прогнали его ни с чем.

Тогда храм Кофукудзи подал жалобу правителю города Нара, и началась тяжба. В ходе расследования барабан тщательно осмотрели и увидели, что кто-то соскреб старую надпись и взамен вывел слово «Тодайдзи» свежей тушью.

– Даже если надпись сия – уловка монахов храма Кофукудзи, все равно это упущение храма Тодайдзи, раз они недоглядели за сохранностью своего барабана, – сказал правитель. – Теперь невозможно установить, какова была прежняя надпись. А посему отныне барабан переходит в собственность храма Кофукудзи, местом же хранения его, по обычаю прошлых лет, определяем храм Тодайдзи.

С тех пор барабан по-прежнему хранится в храме Тодайдзи, но монахи храма Кофукудзи беспрепятственно берут его каждый год и быют в него, сколько им заблагорассудится.

Женщина-плотник в запретных покаях *О том, что случилось на Первом проспекте в столице*

В столице у моста Кодзорибаси, что на Первом проспекте, жила женщина-плотник; носила в рабочем ящике пилу и рубанок, угольник и баночку с тушью; нос у нее был приплюснутый, руки, ноги – могучие, а впрочем, ежели внимательней присмотреться, в лице ее можно было заметить некоторую приятность, и работу плотницкую исполняла она отменно, тем и добывая себе пропитание.

«Столица наша обширна, и мужчин-плотников полным-полно. Зачем же нанимать женщину?» – удивлялись иные, но им отвечали: «А затем, что долго и хлопотно узнавать да расспрашивать, кто таков плотник да откуда родом, когда его труды требуются во дворце, в запретных женских покаях, пусть даже для такой мелкой работы, как замена обветшавших бамбуковых решеточек в окнах или починка заостренных колышков на ограде».

И вот однажды, в конце осени, младшие фрейлины пригласили эту женщину, привели ее в сад, где алели кленовые листья, и приказали:

– Спешно разбери и сломай в опочивальне все подряд, начиная с полок в стенных шкафах и кончая досками алтаря в честь богов Дайкоку и Эбису!

– Но покои еще новехонькие, зачем же их разорять? – спрашивает та.

– Не удивляйся, дело вот в чем, – отвечали девицы. – Минувшей ночью, когда полная луна была так прекрасна, госпожа наша в наилучшем расположении духа до позднего часа находилась в этих самых покаях и под конец слегка задремала. Две приближенные девицы – Миги-мару и Хидари-мару – стали перебирать струны кото³⁷ у ее изголовья, и так чудесно они играли, что все, кто там был, проснулись и вдруг видят: с потолка спускается женщина и по полу ползет к госпоже; а рук у нее – четыре, лицо смуглое, почти черное и круглое, как у Ото-годзэ, а стан и все тело – плоские. Госпожа вскрикнула от испуга и приказала: «Подайте мне мой кинжал-хранитель!» Но пока девица Кураноскэ, фрейлина госпожи, бегала за кинжалом, призрак исчез. Госпожа сказала, что ей привиделся страшный сон. И тут она почувствовала сильную боль, словно ей забили гвоздь в позвоночник, и от боли даже впала в беспамятство. И хотя никакой раны у нее на теле не оказалось, тем не менее на циновках виднелись следы крови. Тут призвали гадальщика по имени Сакон из рода Абэ, показали ему эти пятна, и он сказал: «В этих покаях скрывается нечто, могущее стать причиной несчастья!» Вот почему решено полностью заменить здесь все убранство. Так что смело снимай и разбирай все подчистую.

---

³⁷ Кото – щипковый музыкальный инструмент наподобие цитры.

И вот убрали, сдвинули с места все вплоть до сёдзи, оставив в неприкосновенности только стены, однако ничего необычного не обнаружили. «Вот единственное, что еще внушает сомнение!» – сказала женщина-плотник и с этими словами сняла прибитую к стене доску из храма Энрякудзи с листками, на коих начертаны молитвы, дарующие благополучие дому. И через несколько мгновений эти листки зашевелились. Удивленные фрейлины стали осторожно снимать листок за листком и под седьмым сверху обнаружили ящерицу длиной в добрых пять сун, прибитую к доске железным гвоздем и совершенно иссохшую, так что стала она плоской и тонкой, как бумажный листок, однако все еще оставалась жива и шевелилась.

Ящерицу тотчас сожгли дотла, и с той поры в доме воцарилось благополучие.

Душевное благородство, или Неровный счет накануне Нового года *О том, что случилось в Синагава, близ города Эдо*

Накануне Нового года звонко кричат разносчики, предлагая плоды торрейи, сушеный каштан, папоротник, ветки сосны, в домах толкут рис, готовя новогоднее угощение. А рядом, по соседству, живет человек, который и пальцем не пошевелит, чтобы хоть сажу в доме смахнуть, до двадцать восьмого числа последнего месяца года не удосужится хотя бы бриться, а молодого приказчика, присланного из лавки рассчитаться за взятый в долг рис, встречает свирепым взглядом и словами: «Сказано было – обожди до весны! Или, может, хозяин твой не согласен?!» – и хватается при этом за свой меч в старомодных ножнах красного цвета...

Так не по правилам жил этот человек в нашем правильно устроенном мире. Звали его Харада Найскэ, и был он известный ронин. На что уж обширен, кажется, город Эдо, да и там не нашлось для него жилища, и вот уж несколько лет, как он снимал домик в Синагава, неподалеку от чайного дома «Фудзи». Поутру не имел он дров, чтобы развести огонь в очаге, а вечером – не было масла, чтобы зажечь светильник. Бедствуя, встретил он канун Нового года. А между тем был у него шурин, врач Накараи Сэян, живший в квартале Канда, в переулке у храма Мёдзин³⁸.

К сему лекарю и обратился Найскэ с письмом, прося оказать ему помощь, и хоть частенько досаждал он врачу подобными просьбами, однако что делать? Не бросишь ведь родственников на произвол судьбы! Врач завернул в бумагу десять золотых рё, написал сверху: «Пилюли „Злато“, чудодейственное лекарство от недуга „бедность“. Хорошо помогает также и при всех прочих болезнях» – и послал эти деньги своей сестре, жене ронина.

Найскэ возликовал и на радостях велел звать в гости давних своих приятелей-ронинов выпить по чарке саке по случаю наступающего Нового года. Как по заказу, и ночь выдалась снежная, что придавало особую прелесть предстоящему празднеству. Отворив сплетенную из сучьев калитку, что вот-вот готова была развалиться, Найскэ приветствовал гостей словами: «Добро пожаловать!» Пришли семеро, все – в бумажных кимоно, в тонких накидках не по погоде, но строгие их манеры и все поведение свидетельствовали, что не забыли они прежнего своего высокого положения.

Когда закончился обмен подобающими приветствиями, хозяин сказал:

– Мне улыбнулось счастье, я получил некое вспомоществование, благодаря чему могу в довольстве встретить новогодние праздники!

– Поздравляем! – ответствовали гости. – Вот бы и нам такая удача!..

– К тому же надпись на пакете с деньгами весьма забавна! – прибавил Найскэ и показал гостям сверток с монетами.

---

³⁸ Мёдзин – в синтоизме доброе милостивое божество, как правило местного культа.

– Превосходно! И как остроумно! – хвалили гости, по очереди рассматривая сверток, а тем временем пошли в ход чарочки саке.

– Ну вот, проводы старого года удались на славу! Однако поздно мы засиделись! – сказали гости и запели прощальную песню «Долгие годы...», а хозяин поднес каждому подогретого саке и соленые закуски в горшочках.

– Но прежде, чем мы разойдемся, давай-ка спрячь свои деньги! – сказали гости. Начали собирать монеты, и тут оказалось, что вместо десяти золотых в наличии только девять. Вмиг веселья как не бывало, гости трясли рукавами, расправляли складки одежды, все кругом обыскали, но лишь окончательно убедились, что монета исчезла.

– Как же я запамятовал, что давеча уже уплатил золотой одному человеку, – проговорил тут хозяин. – Просто диву даюсь, отчего сначала нам показалось, будто всех монет десять!

– Так или иначе, нам хотелось бы отвести от себя подозрение! – отозвались гости, и сидевший во главе стола первым стал развязывать пояс.

Его сосед последовал его примеру, третий же гость с удрученным видом выпрямился, приняв еще более церемонную позу, и промолвил:

– Бывает же такое злосчастное совпадение! Мне незачем трясти и осматривать одежду, ибо есть у меня при себе ровнехонько один золотой. Уж, видно, так судил мой злой рок! Не ждал, не гадал я, что придется мне нынче расстаться с жизнью! – сказал он со всей решимостью.

Но ему дружно возразили:

– Вовсе не ты один в таком положении! Пусть мы нищие ронины, но все же у каждого может оказаться при себе золотой!

– Справедливо сказано, – отвечал тот. – И я расскажу вам, откуда у меня эти деньги. Вчера я продал мой короткий меч работы мастера Токудзё за один рё и два бу торговцу редкостями, господину Дзюдзаэмону. И хотя все это истинная правда, но, как видно, продал я его на свою же беду! Вас же прошу в знак старой дружбы справиться у него об этом, когда покину я сей мир, дабы снять позорное клеймо с моего имени! – И с этими словами он хотел уже обнажить свой меч с рукояткой из акульей кожи, как вдруг кто-то воскликнул:

– Да вот же она, монета! – и поднял золотой, лежавший в тени, за стоячим бумажным фонарем.

Все облегченно перевели дух.

– Вперед будь осторожнее с собственным добром, – стали говорить хозяину гости, но в это время из кухни вдруг раздался голос жены Найскэ:

– Монета случайно попала ко мне! – И с этими словами она вошла в комнату, держа в руках крышку лакированного ящичка для еды, и на сей крышке лежал золотой.

– Видно, он пристал к крышке, когда я добавляла приправу, а от горячего батата шел пар. Но теперь, выходит, вместо десяти золотых стало одиннадцать!

– Что ж, это хорошо, когда денег прибыло, это к счастью! – заговорили гости.

Но хозяин возразил им:

– Когда монет было девять, мы искали десятую, а теперь их стало одиннадцать! Нет сомнения, что кто-то отдал собственную монету, чтобы спасти положение! У меня нет на нее никаких прав. Она должна вернуться к владельцу!

Он стал спрашивать, чья это монета, но никто ему не ответил, и в комнате надолго воцарилось молчание. Уже и петухи пропели, а никто еще не сдвинулся с места.

– Ну что ж, поступай, как сочтешь нужным! – обратились гости к Найскэ.

Тогда он положил золотой в меру для масла, поставил меру во дворе на кадку для умывания и сказал:

– Ступайте теперь домой. Пусть монету заберет ее настоящий владелец!

Гости стали по одному расходиться, и Найскэ за каждым запирает дверь на засов, так что для семерых гостей семь раз открывалась дверь. Когда все ушли, Найскэ взял свечу, вышел во двор и увидел, что кто-то, хотя так и неизвестно, кто именно, унес монету.

Смекалка хозяина, достойная выдержка гостей – поистине прекраснейший образец дружбы и обычаев самураев.

Милосердие, или Прорицание божественного оракула – зонтика *О том, что случилось в селении Какэдзукури, в Кисю*

Широко разлилось милосердие Будды в нашем мире, и посему люди тоже стремятся вершить добро на благо ближним. Пример тому – двадцать зонтиков, каковые можно одолжить в храме богини Каннон³⁹, что в селении Какэдзукури, в области Кии. Давным-давно некий человек пожертвовал те зонтики храму, с тех пор каждый год их заново обтягивают промасленной бумагой, и так висят они в храме и по сей день.

Каждый, кого застигнет здесь внезапный дождь или снег, может, не спрашивая ничего разрешения, взять себе зонтик; когда же непогода утихнет, зонтик, честь по чести, возвращают в храм, и ни разу не случалось, чтобы хоть одного недосчитались.

И вот однажды, во втором году эры Кэйан⁴⁰, некий житель селения Фудзидзиро позаимствовал в храме зонтик; когда же подошел он к окрестностям Фукиагэ, внезапно налетел божественный ветер, дувший с острова Тамадзусима, где стоит храм великой богини Аматаэрасу, подхватил зонтик и унес его в неведомую даль. Как ни сокрушался этот человек, помочь беде было уже невозможно.

Между тем зонтик летел по ветру и упал в захолустном селении Анадзато, в горной глуши, в краю Хиго. Жители сей деревни испокон веков жили замкнуто, отгородившись от всего света, зонтика отродясь не видали (велико еще невежество в нашем обширном мире!) и потому весьма удивились.

Собрались старики и мудрейшие люди деревни, и все сошлись на том, что до сих пор и слухом не слыхали ни о чем подобном. Тут выступил вперед некий умник, пересчитал бамбуковые спицы и сказал:

– Спиц ровно сорок. Бумага тоже отличается от обычной. С трепетом осмелюсь сказать – сие есть не что иное, как сам достославный бог Солнца, божественный дух из священного храма Исэ, самолично соизволивший прибыть в нашу местность!

При этих словах жители деревни затрепетали от страха, тотчас же окропили все кругом священной водой, поставили зонтик на грубые свои циновки, а затем всем миром отправились в горы, нарубили деревьев, нарезали камыш, соорудили молельню, точь-в-точь такую, как в священной обители Исэ, и стали сему зонтику поклоняться. И со временем божественный дух снизошел на зонтик, и, когда наступила пора дождей, алтарь божества стал непрерывно звенеть и сотрясаться.

Тогда решили спросить божество о причине сего, и оракул возвестил: «Этим летом священный очаг мой содержали в нечистоте, в священных сосудах сварилось множество тараканов, осквернен даже главный мой храм в Исэ! Повелеваю истребить по всей стране тараканов, всех до единого! И еще есть у меня пожелание: выберите прекрасную юную деву, и пусть она будет моею жрицей. В противном случае не пройдет и недели, как я низвергну на вас такой страшный ливень, что дождевые струи будут толщиной в ось колеса, и на всей земле род человеческий прекратится!» – так возвестил оракул.

---

³⁹ Каннон, или Кандзэон, – буддийское божество. Каннон почиталась как богиня милосердия, заступница страждущих.

⁴⁰ 1649 г. Эра Кэйан – 1648–1652 гг.

Поселяне перепугались, вновь собрались на совет, созвали самых красивых девиц со всей деревни и принялись судить да рядить, которую лучше всего назначить жрицей. Но незамужние девицы, с еще непокрытыми чернью белыми зубами, отказывались, плача и причитая.

– Отчего вы в таком горе? – спросили их.

И девушки воскликнули:

– Да разве останешься в живых, проведя с таким супругом хотя бы одну-единую ночь? – и в страхе и слезах указывали на острый конец сложенного зонтика.

Жила в этой деревне пригожая вдовушка. «Так и быть, – сказала она, – послужу божеству, жертвую собой ради спасения юной девицы!»

Всю ночь напролет ожидала вдовушка в молельне от божества хотя бы намек на ласку, да так и не дождалась. Рассердившись, вбежала она в святилище, схватила божественный зонтик и со словами: «Подлый обманщик!» – разломала его на куски и швырнула наземь.

Гармония звуков, или Чудесные шаги ***О том, что случилось на улице Оптовиков, в Фусими***

Китаец Хун Яньжан различал по щебету каждую птицу, Абэ Мороясу, наш соотечественник, умел по голосу предсказать судьбу человека...

В столице, в квартале Фусими, в уединенном местечке близ моста Бунгобаси, в бедной хижине, окруженной оградой из низкорослого бамбука, жил некий слепец, владевший тем же искусством. Сердце и помыслы свои уподобив водам текущим, отрешенный от мирской суеты, сохранял он в обличье неизменное благородство, так что сразу видно было, что это человек не простого звания. Постоянно играл он на флейте, чутко внимая каждому звуку, и предсказывал судьбу почти всегда без ошибки.

Как-то раз в чайном доме Хоккокуя, в зале на втором этаже, собралась молодежь, дабы полюбоваться осенней ясной луной. В ожидании восхода луны с самых сумерек звучали здесь песенки, что были тогда у всех на устах, и баллады «дзёрури». Впрочем, по какому бы поводу ни устраивалось собрание – по случаю полнолуния или для встречи солнца, – во всех краях и провинциях веселятся при этом на один и тот же манер.

Один из гостей, монах-пилигрим, не раз уже здесь бывавший, прочитал молитву благословения, после чего устроитель вечера, в отличном расположении духа, высказал готовность исполнить любое пожелание гостей, и те сказали, что хорошо бы послушать слепого флейтиста...

– Слепец этот – мой давний знакомый! – ответил хозяин и тотчас послал за музыкантом.

Для начала попросили его исполнить мелодию «Горы Хаконэ». Играя, слепой услышал, что по лестнице поднимается мальчик-слуга, и сказал:

– Он прольет масло!

Мальчик же нес сосуд с великой осторожностью, но вдруг на него свалилась выскочившая из пазов деревянная скользящая дверь, и он нежданно-негаданно изрядно ушибся.

– Поразительно! – воскликнули гости, захлопав в ладоши. – А теперь скажи нам, что за человек идет сейчас по улице мимо дома?

Слепец прислушался к звуку шагов и промолвил:

– Этот человек чем-то весьма озабочен; за руку ведет он старуху, судя по торопливой походке – повивальную бабку.

Послали слугу проверить. На его расспросы прохожий отвечал невпопад:

– Как только начнутся схватки, мы и сами сумеем приподнять роженицу. Ах, вот бы мальчик родился!..

Все громко рассмеялись и стали спрашивать о другом прохожем. Слепой сказал:

– Их двое, но шагает только один!

И в самом деле, оказалось, то шла служанка и несла девочку.

Расспросили о следующем, и ответ гласил:

– Это, без сомнения, птица, но из тех, что весьма берегут себя!

Опять пошли проверить и видят – по улице тихонько бредет странствующий монах, обу-тый в высокие гэта в форме птичьих лап.

– Прекрасно, великолепно! Как точно он все угадывает! – воскликнули гости. – Для вящего нашего удовольствия попробуй-ка отгадать еще разок! – И с этими словами они открыли окно, забранное мелкой деревянной решеткой, и стали ждать. Уже стемнело, на улице почти ничего не было видно, но все же, когда ударил колокол, возвестивший наступление ночи, они разглядели при свете горевшего в зале фонаря двух путников, спешивших к реке Едо, чтобы не опоздать на лодку, отплывающую в Осаку. Один был при двух мечах, в черном хаори и широкополой плетеной шляпе, другой следовал сзади, неся дорожную шкатулку и бочонок с саке.

– А это что за люди? – спросили слепого, и тот ответил:

– Их двое, женщина и мужчина.

– До сих пор ты угадывал верно, – сказали гости, – но на сей раз все же ошибся! Мы видели своими глазами: оба прохожих – мужчины. У одного даже два меча, он, несомненно, самурай!

– Странно! – сказал слепой. – И все же это, безусловно, женщина. Уж не обманывает ли вас зрение?

Снова послали человека узнать, и тот услышал, как господин, понизив голос, говорил слуге, несущему бочонок:

– Ночью, на лодке, не спускай глаз с бочонка. Вместо саке в нем полно серебряных монет. Ночью дорога беспокойна, оттого-то я и переоделась мужчиной, чтобы съездить в Осаку за товаром!

Послали расспросить путников поподробнее, и оказалось: то была переодетая хозяйка рисовой лавки с Пятого проспекта столицы.

Долголетие, или Поединок в тучах

О том, что случилось в долине Кумадани, в горах Хаконэ

В первом году эры Гэнва⁴¹ случился раз снегопад, столь сильный, что в горах Хаконэ низкорослый бамбук совсем засыпало снегом, замерло движение на всех дорогах, и добрый десяток дней даже лошади не ходили.

Жил там в горах один отшельник, монах по имени Тансай, построивший себе одинокую келью на вершине, куда и птица не залетала, а питался он одними лишь ягодами да плодами. Так жил он, отрешенный от мирской суеты, не воздвигнув даже алтаря Будде, и достиг наконец столетнего возраста. Увеселял же он свою душу единственно игрой в шашки. И вот однажды в сих отдаленных горах появился престарелый монах и, на радость Тансаю, предложил сразиться с ним в шашки. Выглядел же он так: вся одежда его состояла из скрепленных меж собой листьев, бедра опоясаны стеблями глицинии, на смуглом до черноты лице сверкали огромные очи, – словом, никак не походил он на смертного человека. Ел он сосновую хвою, говорил мало, так что лучшего товарища вовек не сыщешь.

Однажды вечером погас у них огонь в очаге, и тогда тот старец достал привязанный к поясу кожаный кошель и, вытащив из него кремь, промолвил:

– Это кремь, коими славится гора Курама. Мне дал его Ёсицунэ, мой господин, сказав, что с его помощью можно очень быстро добыть огонь!

---

⁴¹ 1615 г.

Так рассказывал он с самым правдивым видом.

– Ведь Ёсицунэ жил так давно! – удивился Тансай. – Кто же вы такой?

– Я – Хитатибо Кайдзон. Конечно, теперь меня не узнать!.. – отвечивал тот.

«В самом деле, ведь, как гласят предания, о кончине Кайдзона ничего не известно, – подумал Тансай. – Вот чудеса!» И он стал расспрашивать старца:

– А что, правда ли, что покойный Бэнкэй был лицом смугл, ростом высок и такой страшный, что на него и на картинках-то глядеть боязно?

– Это великое заблуждение! – ответил старец. – Он был красавец, второго такого красавца среди монахов не сыщешь! – И далее рассказал: – А вот сам господин Ёсицунэ, тот и впрямь никуда не годился: лицо круглое, нос приплюснутый, передних зубов не хватало, глаза косили, волосы курчавые, сам приземистый – никаких мужских достоинств за ним не числилось. Только духом был крепок, оттого и стоял во главе войска... И прочие воины были ему под стать: Катаока – жадина, Таданобу – пьяница, Исэ Сабуро всякий раз как что-либо покупал, так денег никогда не платил, в битвах при Амагасаки, Ватанабэ, Фукусима ни разу не расплатился с лодочником за перевоз, – раз он самурай, то и вози его даром! Кумаи Таро круглый год путался с гулящими девками, Гэмпати Хёэ сочинял прескверные стихи хайку, да и вообще на редкость был бестолковый. Суруга Дзиро – все прямо диву давались – ни летом, ни зимой не желал носить набедренную повязку. Камэи был ловкач и пройдоха. Канэфуса, приверженец секты Дзёдо, только и знал, что молиться о будущей загробной жизни. Да ни одного путного человека среди них не было!

– Ну а Сидзука? Была ли она и впрямь такая красавица, как теперь говорят? – спросил Тансай.

– Какое там! Да взять любую, чуть получше десяти первых встречных, да начать холить ее с утра до вечера столичной водой, так какая угодно станет красавицей! Прими во внимание, что в ту пору покровитель ее Ёсицунэ находился как раз в самом расцвете славы, да и долгов за ним не водилось, к тому же тогда еще не придумали законов, запрещающих носить шелковые или какие другие яркие ткани... В наше время, как посмотришь на наложниц нынешних князей, когда на заставах проверяют путешественников и они выходят из паланкинов, так, право же, они намного красивее, чем женщины минувших времен! О многом я мог бы еще рассказать, да, верно, ты подумаешь, что я вру! Вот если бы отыскался какой-нибудь свидетель!.. – И не успел он вымолвить эти слова, как вдруг у сплетенной из сучьев двери послышались шаги и со словами: «Поистине, я слышу голос Кайдзона! Хотелось бы повидаться с ним, хотя бы недолго!..» – в хижину вошел человек.

– А, старый друг, старый друг! Как я рад, что дожил до этой встречи! Прежде всего позволь представить тебя почтенному хозяину... Это – Иномата Кохэйроку, он обитает в глуши горного края Биттю и на сей раз решил посетить нас. Познакомьтесь же и будьте друзьями!

Всю ночь напролет они говорили о былых сражениях так, будто эти битвы произошли вчера или сегодня.

– А что, Хэйроку, сила твоя не убавилась? – спросил старец.

– Да пожалуй что прежняя! – отвечал гость и с этими словами обнажил до плеча правую руку.

Кайдзон тоже завернул рукав до плеча и, вспомнив, как некогда они мерились силой на холме Камэвари, сказал:

– Что ж, поглядим, кто сильнее!

Без устали боролись они более трех часов, не уступая друг другу. А Тансай, в роли судьи, подбадривал то одного, то другого, и голос его разносился до самого неба, под конец же все трое сокрылись в тучах, так что исход этого поединка так и остался никому не известен.

Месть за обиду, или Верные вассалы лисицы ***О том, что случилось в городе Химэдзи, в провинции Вансю***

В Химэдзи, что в провинции Харима, долгое время жила лисица, старшая сестра лиса Гэн Куро из Ямато. Она отрезала женщинам волосы, разбивала горшки в домах, во всех провинциях причиняла много неприятностей людям. Звали ее Лиса Осакабэ. Обликом походила она на человека, командовала несметным числом родичей-слуг, водила людей за нос, как только вздумается, и всячески их морочила.

Проживал в Химэдзи некий торговец рисом по имени Монбёэ. Однажды, проходя горной тропинкой в отдаленном, безлюдном месте, увидел он целое сборище лисят белой масти, без особого умысла бросил в них камешком и случайно попал в одного лисенка, да, как на грех, так метко, что лисенок тут же испустил дух. Пожалел Монбёэ лисенка, но тотчас позабыл о такой безделице и воротился домой.

В ту же ночь с конька крыши дома Монбёэ слышались сотни женских голосов:

– В кои-то веки наша маленькая принцесса изволила выйти на прогулку на вольный воздух, а ты лишил ее жизни! Это не пройдет тебе даром!

И тут же на дом Монбёэ градом посыпались камни. Повредили стены, разбили ставни в слуховых окнах, однако, когда рассвело, на земле не оказалось ни единого камешка. Все домохозяева Монбёэ очень перепугались.

Наутро в дом явился странствующий монах и попросил чашечку чая. Монбёэ приказал служанке подать ему чай, но не успела та поднести страннику чашку, как в дом ворвалось ни много ни мало три десятка здоровенных мужчин, похожих на стражников магистрата, с криками:

– Как смеешь ты укрывать монаха, коего разыскивают власти?!

Не слушая никаких объяснений, схватили они хозяина и хозяйку и наголо обрили им головы, после чего и у пришельцев, и у монаха внезапно выросли хвосты, и они убежали прочь. Плачь не плачь, а горю уже не поможешь!

Случилось так, что как раз в это время невестка Монбёэ гостила у своих родителей в родном доме, поскольку муж ее Мондзаэмон, сын Монбёэ, по делам уехал на север. Лис обернулся Мондзаэмоном, проник в дом в сопровождении нескольких спутников, схватил эту женщину и, воскликнув: «Стоило мне отлучиться, как ты завела любовника! Ну да бог с тобой, убивать я тебя не стану!..» – в тот же миг наголо обрил ей голову.

– Я и в мыслях ничего подобного не держала! – горевала и плакала женщина. – Откуда такие подозрения, ведь мы женаты не первый год!..

– А, негодница! Так я доставлю тебе доказательства! – крикнул лис.

Он и его спутники бросились к женщине, утащили ее далеко в горы, выстроились там в ряд и каждый по очереди назвал себя:

– Я – Врунискэ из Накайдо! Я – Тюдзабуро Старшинскэ! Я – Кинмару Невидимскэ! Я – Ямитаро Курворискэ! Я – Хананага Поле-Разорискэ! Мы верные слуги госпожи Лисы Осакабэ, ее славные рыцари-защитники! – И с этими словами они обратились в лисиц и исчезли с глаз долой. Невестка пошла к Монбёэ, сокрушалась и плакала, да только ничего уже нельзя было поделать...

Еще через день, в час Коня, по улице прошла пышная похоронная процессия. Впереди шел священник высокого ранга, за ним несли опахала, над гробом держали балдахин, изукрашенные носилки так и сверкали, внук покойного нес поминальную дощечку с его именем, родня обливала слезами рукава белых траурных одеяний, сограждане все, как один, шли в парадных торжественных нарядах. Процессия проследовала к месту сожжения, что было в нескольких рю от дома родителей Монбёэ. К ним поспешно прибежал посланец, сказавший:

– Прошедшей ночью господин Монбёэ скоропостижно скончался. Зная, как велико будет ваше горе, порешили сообщить вам об этом как можно позже. Поскорее ступайте к месту сожжения!

И вот, когда в слезах и печали предали огню тело Монбёэ и у погребального костра остались только родные, тот посланец промолвил:

– Увы, как все непрочны в сем бренном мире! Теперь, когда вы схоронили сына, ничто радостное вас в жизни больше не ожидает! Обрейте же голову и уйдите от мира! – И с этими словами он сбрил им волосы, разом превратив их в монахов.

Когда же родители вернулись в Химэдзи, оказалось, что у Монбёэ с женой тоже обриты головы. Досадовали они, горевали, но что поделаешь, ведь волосы в одну минуту не отрастают, и потому все они выглядели весьма забавно.

Свиток второй

Карма, или Красавица в летающем паланкине *О том, что случилось в селении Икэда, в провинции Цу*

Во втором году эры Канъэй⁴², в начале зимы, неподалеку от селения Икэда, что в провинции Сэтцу, под священными соснами на горе, где стоит храм Курэха, неизвестно как оказался всеми покинутый паланкин, в каких ездят женщины. Паланкин сей заметили дети, собиравшие хворост, рассказали односельчанам, и вскоре вокруг него собралась толпа. Открыли дверцы, заглянули внутрь – в паланкине сидит женщина лет двадцати двух – двадцати трех, по всему виду – жительница столицы, из тех, про кого молва говорит: «Красавица!» И впрямь было на что посмотреть: черные волосы небрежно расчесаны, концы перевязаны золотой лентой, нижнее кимоно – белое, сверху надето другое, шелковое, на вате, с узором из хризантем и листьев павлонии, пояс китайского шелка, сплошь затканый рисунком, изображающим мелкие листики плюща, на голову наброшен прозрачный шарф тончайшего шелка. Перед женщиной стоял старинный лакированный поднос, на коем серебром и золотом были нарисованы осенние цветы и травы, уставленный самыми изысканными сладостями, и рядом лежала бритва.

– Кто вы, госпожа, и как очутились совсем одна в таком неподходящем месте? Поведайте нам, и мы доставим вас, куда прикажете! – на разные лады расспрашивали ее, но она в ответ не отвечала ни слова, сидела все так же неподвижно, опустив голову, и что-то жуткое чудилось в ее взгляде, отчего людям невольно стало не по себе, и они, обгоняя друг друга, поспешили удалиться.

«Но ежели оставить ее там на всю ночь, ее могут съесть волки! – рассудили жители деревни. – Надо перенести паланкин в город, постеречь его этой ночью, а наутро доложить обо всем правителю!» С этой мыслью возвратились они к подножью горы, однако паланкина там уже не было: он перенесся примерно на один ри к югу, на песчаный берег реки, и оказался поблизости от постоянного двора Сэгава.

С наступлением ночи, когда ветер зловеще шумел в соснах и ни души не было видно на дорогах, местные парни-погонщики отправились туда, где сидела женщина, и начали с ней заигрывать, требуя, чтобы она их приласкала, но та по-прежнему хранила молчание. Неотесанные мужланы уже протянули было к ней руки, как вдруг из ее тела справа и слева высунулись ядовитые змеи и так сильно искусали грубиянов, что у них в глазах потемнело, они лишились сознания и только чудом остались живы и весь год потом тяжело хворали.

Рассказывали, что паланкин перенесся затем к речке Акутагава, видели его и перед храмом Мацуо, а на следующий день очутился он уже в окрестностях Тамба, нигде не задерживаясь более часа. Со временем женщина, ехавшая в паланкине, превратилась в хорошенькую девочку-служанку, потом – в восьмидесятилетнего старца, иногда видели ее с двумя лицами, или она оборачивалась старухой без глаз и носа, – всем, кто ни встречал ее, представляла она в разном обличье, так что с наступлением темноты люди от страха не решались выйти из дому, и привычный уклад жизни был нарушен.

Если же ничего не ведавший путник ночью проходил по дороге, то, к великому его испугу и удивлению, к плечам его неожиданно прилипали палки паланкина, хотя ни малейшей тяжести он при этом не чувствовал. Однако не успевал он пройти и одного ри, как ощущал такую усталость, что у него отнимались ноги, – вот такая беда его поджидала!

---

⁴² 1625 г.

Это и был известный по рассказам «Летающий паланкин из Куга-Наватэ».

Чудеса эти продолжались вплоть до середины эры Кэйан, а потом сей паланкин незаметно куда-то скрылся. Говорили только, будто местные крестьяне видели, как в окрестностях Хасимото и речки Кицунэгава ночью пролетел странный, доселе невиданный огненный шар.

Развлечения, или Двенадцать человек, разом ставших монахами

О том, что случилось на острове Авасима, в провинции Кию

Поистине достоин похвалы тот, кто, связав вместе пустые легкие тыквы, заранее учится с их помощью плавать и постепенно овладевает этим искусством, дабы не оплошать в решающую минуту...

В летнюю пору, когда море спокойно, его светлость, пожелав развлечься морской прогулкой, направил свой корабль к берегам бухты Кога, что в провинции Кисю. С другого корабля, где помещалась кухня, доставляли угощение на княжеское судно; прислужник, ведавший кухней, носил яства, плавая стоймя, и в воду при этом погружался только по пояс, а двигался так спокойно и ловко, будто ходил по крытому циновками полу. Другие самураи, плавая в воде, могли побрить себе голову, играли в го или, передавая друг другу большие чарки с sake, изготовленные из раковин «омугаи», ловко их осушали. Были тут и такие пловцы, что с увлечением распевали песенки «кусэмаи», ударяя при этом в такт в барабанчик, или же проворно чистили тыквы – вот уж поразительное искусство! Но были люди еще более ловкие: захватив с собой связанную в пучки солому, они погружались в море и возвращались обратно только через четыре с лишним часа, изготовив за это время из соломы, перевязанной тоненькими бечевками, изображение бога-силача Нио, да так умело, что видна была каждая мышца на руках и ногах того божества. Даже монахи, для коих изготовление фигурок Нио – привычное ремесло, не смогли бы сделать это искуснее.

Пока длились разнообразные развлечения, его светлость, заметив, что некий самурай по имени Сэкигути, прославленный мастер дзюдо, стоит неподвижно и задумчиво смотрит вдаль, отдал приказание своему пажу, и тот со словами: «По воле господина!» – внезапно столкнул того самурая в море. Сэкигути погрузился в волны, но вскоре выбрался из воды и поднялся на борт дальнего судна.

– Вот ведь самый искусный фехтовальщик, а ежели застигнуть его врасплох, так ни на что не способен! – принялись тут же все над ним насмехаться, однако Сэкигути, казалось, нисколько не смутился.

– Как же ты дал столкнуть себя в воду, не оказав никакого сопротивления? – обратился к нему его светлость, когда Сэкигути снова перешел на его корабль, и Сэкигути ответил, что опасался причинить вред пажу, зато оставил отметину на левом рукаве его платья. Его светлость позвал пажа, взглянул, – и что же? – на его полотняных хакама⁴³ и на накидке виднелся разрез длиной около двух-трех сун, а на левом боку на коже тянулась царапина, да такая тонкая, будто паж оцарапался о колючку. При виде этого все, начиная от его светлости и кончая самураями из его свиты, всплеснули руками от восхищения.

Оказалось, что Сэкигути, падая в море, успел вытащить кинжал и нанести пажу порез, но столь легкий, что даже сам пострадавший этого не заметил, тем паче не могли усмотреть наблюдавшие эту сцену. Столь молниеносны были его движения, что по справедливости мог он считаться первым по ловкости и быстроте среди самураев всей Японии. Убедившись в сноровке Сэкигути, его светлость остался чрезвычайно доволен.

---

⁴³ Хакама – широкие штаны, сложенные складками у пояса. Вместе с хаори или катагину составляли церемониальный костюм самурая.

Пока княжеское судно объезжало бухту за бухтой, другой корабль, на котором ехали самураи из его свиты, причалил к каменистому берегу, и тут гульба пошла даже за оградой стоявшего там храма, посвященного богу – покровителю Авасима. Молодые самураи быстро захмелели и не заметили, как вдруг поднялись огромные волны, за клубились черные тучи, и в море появился огромный змей – длиной он был более десяти дзё, а чешуя на нем так и ходила ходуном, словно мельничные колеса. Рога на голове напоминали высохшие стволы деревьев, пасть изрыгала пламя, огромное туловище походило на плывущую гору. Всех охватил страх и смятение, а змей между тем уже приблизился к кораблю его светлости. Однако его светлость встретил чудовище ударом копья, и тот в испуге повернул вспять, отчего море сильно заволновалось, так что небольшие суда едва не перевернулись. В это время со стороны взморья показалась быстроходная лодка, в коей сидело двенадцать человек. И в то самое мгновение, когда они хотели проскользнуть мимо змея, он одним махом заглотил и лодку, и ехавших в ней людей; по его телу пошли судороги и корчи, однако вскоре лодка вышла у него через задний проход и причалила к берегу. Когда подошли к лодке и взглянули на сидящих в ней людей, то оказалось, что все они от страха лишились сознания и волосы на голове у них вылезли все до единого волоска, так что в мгновение ока превратились они в бритоголовых монахов.

Возмездие, или Тайный родник, пробившийся из земли ***О том, что случилось в селении Кохама, в провинции Вакаса***

В селении Кохама, в провинции Вакаса, жил в богатстве некий купец по имени Этигоя Дэнскэ, торговавший нитями, из которых рыбаки плетут свои сети, и был он в той гавани человек всем известный. Была у него в доме служанка по имени Хиса; согласно договору, она должна была работать у купца определенное число лет. Для уроженки северных мест она считалась весьма красивой, и многие мужчины в нее влюблялись, она же всем сердцем привязалась к одному странствующему торговцу по прозвищу Сёкити из Столицы, привозившему товар в их селение. Ему тоже понравилось это глухое местечко, и так долгое время продолжалась его связь с Хисой. Сёкити был еще не женат и тайно встречался с Хисой, обмениваясь с нею клятвами любить друг друга до гроба.

Однако жена купца выследила их и принялась грубо бранить и попрекать Хису.

«Все оттого, что смазливая, вот и распутничает! Проучу же ее, да так, чтоб запомнила хорошенько!» – решила хозяйка и, докрасна раскалив в огне щипцы для угля, прижала их к левой щеке Хисы, так что нежная кожа обгорела и сморщилась. Для женщины это великое горе! Хиса словно ума лишилась, и, глядясь в заветное свое туалетное зеркальце, в отчаянии ломала руки, сокрушаясь при виде столь обезображенного своего лица. И вот, решив, что дальше жить на свете не стоит, утопилась она в море, в бухте Кохама, оставив записку, в коей изложила все, что накопело у нее на сердце. А ночь в ту пору выдалась бурная, и волны унесли тело неизвестно куда. «Бедняжка!» – сказали люди, тем дело и кончилось.

Было это в первом году эры Сёхо⁴⁴. И случилось так, что девятого дня второго месяца того же года в деревне Акисино, в краю Ямато, собрались крестьяне, чтобы добыть воду для орошения полей. Стали рыть пруд на участке, где в давние времена находился храм, но хотя земли они уже вынули гораздо больше, чем обычно, до подземной воды никак не могли добраться. В сердцах принялись крестьяне еще усерднее долбить землю мотыгами и лопатами, рыли еще три дня и две ночи и наконец почувствовали, что вода уже близко. Вдруг раздался оглушительный грохот, как будто катились одновременно сотни повозок, земля в одном из углов разверзлась, оттуда взметнулась ввысь струя чистой воды и вдруг забулбила, закипела, словно водоворот Наруто в Ава, и так продолжалось четыре часа кряду. Заполнив пруд, вода перелилась через

⁴⁴ 1644 г. Эра Сёхо – с 1644 по 1648 г.

край, как бывает, если над всей провинцией пронесутся обильные ливни, к немалому испугу всех жителей.

На следующий день вода успокоилась, люди подошли к пруду и увидели, что к берегу, поросшему колючим кустарником, течением прибило утопленницу, молодую женщину лет восемнадцати-девятнадцати. Сострадательные крестьяне вытащили тело на берег и убедились, что женщина эта не из их деревни. Особенно же странным казалось то, что утопилась она, судя по всему, уже дней десять тому назад.

В это время мимо проходил путник, возвращавшийся с богомолья в храм Тодайдзи в городе Нара. Бросив взгляд на покойницу, он промолвил:

– Бывает же на свете такое сходство! Женщина эта – точь-в-точь служанка в доме Этигоя, хоть и далеко это отсюда, в другом краю!

С этими словами он подошел поближе, внимательно посмотрел и увидел, что одета она в кимоно, синее в белых звездочках, с хорошо знакомым ему желтым в полоску поясом, на груди же у нее нашли маленькую шкатулку и талисман. Шкатулку открыли и обнаружили в ней изображение Будды Амида из храма Дзэнкодзи, четки из косточек растения дандоку и послание; когда его прочитали, оказалось, что женщина и в самом деле из провинции Вакаса.

– И впрямь ведь издавна рассказывали, будто из провинции Вакаса в столицу Нара текут подземные воды. Однако с незапамятных времен и до сего дня ничего подобного видеть не доводилось! – говорили люди.

Покойницу похоронили, заботливо отслужив заупокойную службу. Путник же, забрав все принадлежавшие покойнице вещи, продолжал путь на родину, в Вакаса. Услышав его рассказ, жители Вакаса всплеснули руками от удивления и стали жалеть бедную Хису еще больше, чем раньше.

А Сёкити, прослышав об этом, бросил торговлю, ушел от мира, постригся в монахи и, отправившись в деревню Акисино, посетил там могилу Хисы. Предавшись воспоминаниям о ней в тени бамбука, что посадили крестьяне, дабы отметить ее могилу, он незаметно для себя задремал.

Но не успел он заснуть, как явилась вдруг пред ним огненная колесница, а в колеснице той ехали две женщины. В одной из них он безошибочно признал жену Дэнскэ. Вторая же, крепко ее державшая, прижимала к лицу ее раскаленные щипцы – то была, вне всяких сомнений, его возлюбленная, девушка Хиса, как живая. «Наконец-то я утолила свою печаль!» – раздался голос, и оба призрака тут же исчезли. Случилось это одиннадцатого дня третьей луны, и в тот же день в тот же час в провинции Вакаса жена Дэнскэ, вскрикнув, внезапно испустила дух.

Святой мудрец, или в придачу – золотая кастрюлька ***О том, что случилось в Икома, в провинции Ямато***

За пеленой холодного дождика скрылась гора Икома, и солнце клонилось уже к закату, когда некий скупщик ваты, спешивший поскорее вернуться домой, в селение Хирано, добрался наконец до места, именуемого Источник Икицуги; во времена оны проходил здесь поэт Нарихира, направляясь к возлюбленной, обитавшей в Такаясу... Вдруг торговца догнал какой-то старик, по виду – лет восьмидесяти или, может быть, даже старше, и просит:

– Извини за дерзкую просьбу, но для моих старых ног горная дорога слишком уж тяжела! Не подсадишь ли меня на спину?

– Пустяковое было бы дело! – ответил торговец. – Да только, как на грех, несу я тяжелый груз, а потому выполнить вашу просьбу мне никак невозможно!

– Ничего, если в сердце у тебя есть сострадание к старику, тебе не будет тяжело! – промолвил старик и с этими словами, как птица, вспорхнул на спину к торговцу.

Так прошли они немногим больше одного ри. А когда приблизились к сосновой роще – тут, кстати, и погода разгулялась, – старик легко спрыгнул на землю и сказал:

– Думается мне, ты все же притомился! В благодарность за твой труд желал бы я угостить тебя хоть чарочкой саке, хоть это и ничтожное возмещение за усердие. Поди сюда!

Торговец оглянулся – никакой фляжки у старика при себе не было. Станными показались ему слова старика, однако он все же подошел ближе, и тут из дыхания, выходявшего из уст старика, явился вдруг красивый бочонок саке.

– А теперь хорошо бы закуску!.. – сказал старик и сотворил таким же манером множество маленьких золотых кастрюлек, полных разных редкостных яств. Но и этого показалось ему мало, и со словами: – «А сверх того раздобудем-ка приятную собеседницу!..» – он снова дунул, и глазам их предстала красавица лет четырнадцати-пятнадцати, державшая в руках бива. Она перебирала струны, разливала саке по чаркам и на все лады ухаживала за стариком и торговцем, прислуживая им за трапезой, так что торговец и не заметил, как захмелел.

Тут старик сказал:

– А теперь надо бы чего-нибудь прохладительного!

И перед ними оказалась дыня, хотя пора созревания дынь давно миновала.

От такого роскошного угощения показалось торговцу, будто он очутился в раю, а тем временем старик, положив голову на колени красавицы, уснул так крепко, что даже захрапел во сне. Тогда женщина, понизив голос, сказала:

– Я – наложница этого господина, прислуживаю ему утром и вечером и постоянно о нем забочусь. Прошу вас, не выдавайте меня, – пока он спит, я повिдаюсь с тайным моим возлюбленным!

И не успела она проговорить эти слова, как из ее дыхания явился юноша лет шестнадцати.

– Это тот, о ком я вам говорила, – сказала красавица, и, взявшись за руки, они стали прогуливаться неподалеку, распевая песни, а потом скрылись неизвестно куда и долгое время не возвращались.

Всякий раз, как старик ворочался во сне, торговец замирал от страха, тревожась, что тот проснется, и не мог дожидаться минуты, когда вернется красавица. Наконец она возвратилась, снова проглотила этого юношу, а тут и старик проснулся, заглотал подряд всю утварь, оставил лишь небольшую золотую кастрюльку, которую и поднес торговцу. Изрядно захмелев, принялись они беседовать о том о сем, а когда дело дошло до песен «Ветер в соснах вековых...» и «Долгие годы, в счастье и славе...», старик взмыл в воздух и улетел в сторону Сумиёси, благо к этому времени и солнце уже закатилось в воды залива Наго.

Торговец же некоторое время еще дремал, и ему привиделся сон.

И было то весьма занятное сновидение: будто осыпались лепестки цветущей по весне сакуры и тут же превращались в рисовые колобки; стоило лишь дотронуться до полога от москитов, как на небо тотчас же всходила луна. Ему снились новогодние украшения из веток сосны, а рядом толпы людей плясали по случаю праздника Бон, так что казалось, будто и Новый год, и праздник Бон наступили одновременно, и невозможно было понять, ночь стоит или день... Иными словами, торговец и повеселился на славу, и еще получил в придачу золотую кастрюльку.

Вернувшись в деревню Хирано, он рассказал о том, что приключилось с ним по дороге, и люди сказали:

– Не иначе как то был святой мудрец Сёба. Ходит предание, будто он ежедневно летает из Сумиёси в Икома. Наверняка то был он!

Скрытое от мира селение, или Сон о ветряной колеснице *О том, что случилось в горной глуши провинции Хида*

Есть много таинственного на свете. В глуши гор Хида с давних времен существовало никому неведомое селение, о каковом даже окрестные жители никогда не слыхали...

Однажды местный правитель заметил в горах дровосека; человек тот, раздвигая траву и деревья, скрылся в чаще, хотя никакой дороги там не было. Правитель последовал за ним, пересек горные вершины, куда и птица не залетает, потом около трех ри прошел по ущелью и наконец увидел зияющую мраком пещеру, в которой и скрылся неведомый горный житель. Правитель заглянул в пещеру, но там царила полная тьма, только внизу голубел чистый источник и в воде резвилось множество обычных золотых рыбок. «Коль скоро уж я забрался в такую глушь, было бы недостойно самурая воротиться, не узнав, что тут находится!» – решил правитель, спустился вниз на несколько тё и очутился перед ступеньками, ведущими к воротам в китайском стиле, и все это было так богато изукрашено драгоценными камнями, что, казалось, ни дать ни взять, перед ним сам дворец Кикэндзё.

В ту пору была зима, и правитель шел через горы, ступая по палой листве, покрытой инеем; здесь же цвела весна, щебетали жаворонки, пели соловьи, продавцы свежей макрели и каракатиц приветливо зазывали покупателей. И пока правитель любовался всеми этими чудесами, его стала одолевать дремота, и, устроив себе изголовье из травы, которая росла тут же рядом, он забылся волшебным сном.

И вот приснилось ему, что над ним склонились две отрубленные женские головы: то были женщины-разносчицы. Они обратились к нему с мольбой:

– Поистине, мы сгораем от стыда, представ перед вами в столь неприглядном виде! Мы жили в дальнем уголке столицы, кормились тем, что ткали полосатые шелковые ткани, и жили безбедно. Но вот случилось, что муж наш простудился, начал хворать и в конце концов умер. Перед смертью он передал нам две тысячи хики шелка, которые успел соткать, и так как детей у нас не было, то он завещал нам: «Продайте шелк, и на эти деньги живите, сколько сможете, а потом постригитесь в монахини!..» И мы, согласно его завещанию, распродавали товар то на одном рынке, то на другом и потихоньку жили. Но вот не прошло и года после кончины мужа, как некий человек прислал одной из нас любовное послание. Для нас это была полная неожиданность! Звали того человека Ятэцу, жил он в наших краях и был известный силач. Разгневался он, что не получил ответа на свою записку, пробрался ночью к нам в дом, зарубил нас обеих насмерть и похитил всю шелковую пряжу, а тела наши зарыл на краю поля. Власти расследовали сие преступление, но убийцу так и не удалось найти, и Ятэцу здравствует и поныне, что нам нестерпимо обидно. Особливо же просим вас принять во внимание, что слова его о любви были не иначе как ложью и попросту хитростью, дабы похитить наше имущество – шелка, оставшиеся от мужа. Молим вас, поведайте об этом властям и отомстите за нас нашему погубителю! – так умоляли его две женские головы, припадая к рукавам его одежды.

– Просьбу вашу легко исполнить! – отвечивал он. – Но какие же доказательства смогу я привести, обращаясь к правителю края? Ведь никаких улик не осталось!

– Нет, – отвечали женщины, – улики имеются! – И все подробно ему рассказали: – К югу отсюда есть обширное поле, где не росли раньше ни трава, ни деревья, однако после того, как убийца зарыл на том поле наши тела, выросла там красавица-ива с раздвоенным стволом. Она-то и послужит уликой! – И с этими словами призраки вдруг исчезли, и правитель проснулся.

«Станный, удивительный сон!» – подумал он и пошел на то поле, а там уже собрались все жители деревни, которые надивиться не могли:

– До сих пор никто из нас никогда не видел здесь эту иву!

«Значит, все верно, правду рассказали мне женщины», – подумал правитель и доложил обо всем властям. Тотчас же велели раскопать землю на поле, и все оказалось, точь-в-точь как приснилось правителю: там были зарыты два трупа, ничуть не изменившиеся, совсем как живые, только с отрезанными головами. Доложили правителю страны о сем происшествии, и по его приказанию тюремщики ворвались в дом к Ятэцу, схватили его, связали и казнили со словами:

– Пеняй теперь на себя, во всем виноват ты сам.

Его насадили на железный прут, а потом выставили тело на позор в людном месте.

Самурая же в знак благодарности одарили многими штуками полосатой шелковой ткани и предостерегли: «Если станешь медлить и задержишься в этой стране, жизни твоей придет конец!» Затем его усадили в алую колесницу, что приводилась в движение ветром, колесницу обступили плывущие облака, и в одно мгновение он очутился у себя на родине, в знакомом селении. Когда же он поведал людям обо всем, что с ним приключилось, те сказали:

– Давайте отыщем это скрытое от мира селение! – И отправились на розыски в горы.

Много сотен людей искали этот потаенный край по долинам и вершинам, но так ничего и не нашли.

Земные утехы, или Смертный Будда – Покровитель Младенцев ***О том, что случилось на одной из улиц близ Китано, в столице***

В окрестностях Китано жил некий человек. Жил он одиноко, в маленьком домике, изо дня в день занимался изготовлением пряжек для соломенных плащей-дождевиков, и так в уединении текли его годы.

Немало в столице развлечений и утех на любой вкус; этот же человек более всего любил, собрав девочек, таких маленьких, что еще не знали, где запад, где восток, делать для них игрушки, какие им могут понравиться, и проводить с ними дни в незатейливых детских играх. Дети весело резвились, не вспоминая об отце с матерью, и родители их, жившие в скудости, радовались, что этот человек облегчает их бремя, и почитали его как самого Будду – Покровителя Младенцев.

Потом этот человек стал бродить по ночам, прячась от лунного света, по улицам столицы, похищал красивых девочек и, приласкав их, прятал денька два-три у себя, после чего отпускал домой. Люди никак не могли понять, куда это вдруг девалась дочка, многие стали бояться выпускать на улицу девочек после наступления сумерек; переполох в столице поднялся страшный! Вчера горевали, что исчезла дочь мастера, изготавливавшего четки, сегодня в печали и страхе разыскивают дочку гончара...

И вот, как раз в это время наступил майский праздник, когда карнизы домов пышно украшают цветами ириса. На одной из оживленных улиц, где во множестве теснились лавки, торгующие одеждой, стоял дом некоего торговца по имени Кикую, и была у него единственная семилетняя дочка, отличавшаяся поразительной красотой. Ее-то и заметил тот человек, когда она проходила по улице в сопровождении кормилицы и служанки, державшей над ней зонтик, чтобы защитить ребенка от лучей вечернего солнца, подскочил, схватил на руки и бросился наутек. Кормилица и служанка подняли отчаянный крик, люди бросились вдогонку за похитителем, но быстро упустили его из вида, ибо был он столь скорым на ногу, что мог за один день покрыть расстояние от столицы до Исэ, так что догнать его было бы весьма трудно. Одни, бывшие свидетелями похищения, говорили, что то была женщина с длинными мочками ушей, в широкополой шляпе, плетеной из камыша, другие утверждали: «Нет, это явился сам оборотень, одноглазый, лицо у него смуглое, почти черное...» – и все описывали его внешность по-разному. Родители девочки в великом горе искали ее, бегали по всей столице и наконец

отыскали, забрали домой и доложили обо всем происшедшем правителю. Правитель приказал тому человеку явиться и спросил, зачем он совершает такие поступки. И тогда тот ответил:

– Как увижу маленькую девочку, так, сам не знаю отчего, хочется мне ее унести, да и только! До сей поры я похитил уже не одну сотню девочек, держал каждую у себя три дня, а то и пять, потом возвращал родителям. И никаких особых умыслов при том не имел!

В самом деле, такое и раньше случалось нередко, и если никто о том до сих пор не ведал, то лишь оттого, что столица наша поистине велика и обширна!

Жадность, или Большой бог грома

О том, что случилось у подножия горы Асама, в провинции Синано

Жадность губит семью и род, вызывает вражду меж братьями, и, увы, случается это в нашем мире нередко...

В провинции Синано, у подножия горы Асама жил поселянин по имени Мацуда Тогоро, давний житель тех мест. В нынешнем году стукнуло ему восемьдесят восемь лет, и он со спокойной душой ожидал кончины, ни о чем в сем мире более не жалея. И вот, когда приблизился его смертный час, он призвал к изголовью двух своих сыновей, коих звали Тороку и Тосити, и сказал:

– После моей смерти все имущество, вплоть до золы от сожженной рисовой шелухи, разделите ровно пополам, и оба наследуйте мое достояние. И вот еще что скажу вам: сей меч – семейное наше сокровище, благодаря ему удалось мне спастись от смерти и благополучно прожить на свете вплоть до моих преклонных лет. А посему, даже если случится вам обеднеть настолько, что пойдет на продажу вол – драгоценный помощник земледельцу, ни в коем случае не расставайтесь с этим мечом. – Так с особой настойчивостью наказал им отец и вскоре удалился навеки в Чистую Землю.

Не успели миновать первые семь дней траура по умершему отцу, как сыновья уже начали спорить из-за наследства. Разделив пополам всю утварь, каждый забрал свою половину.

И старший, и младший брат – оба во что бы то ни стало хотели завладеть заветным мечом и так из-за него ссорились, что родня, удрученная их безобразной распрей, решила вмешаться.

– Что ни говори, а право за старшим сыном. Отдай меч Тороку! – всячески уговаривали они младшего брата, но тот продолжал упорствовать.

Старший, в свою очередь, ни за какие блага на свете не хотел уступить младшему брату. День за днем проходили в тщетных попытках уладить спор, и все без толку.

– Если меч будет мой, – сказал наконец Тороку, – я готов отдать Тосити мою долю наследства!

На том дело кое-как сладилось, и Тороку, с единственным своим имуществом – мечом, покинул дом. «Отныне я не буду крестьянствовать!» – решил он, отправился далеко в столицу, пошел к знатоку-оружейнику и показал ему меч. И что же? Оказалось, лезвие у меча совсем тупое и к тому же перекаленное, так что, сказал оружейник, меч никуда не годится. Тогда Тороку возвратился на родину, пошел к матери и стал расспрашивать ее, откуда взялся меч. И старуха-мать рассказала:

– Случилось однажды в давние времена, что во всей провинции Синано наступила засуха, и продолжалась она сто дней, так что даже заливные поля в низинах и те пересохли. Начались распри из-за воды между деревнями. И вот как-то раз ваш отец в пылу спора напал с мечом на крестьянина из соседней деревни, но меч был тупой и ничуть не поранил противника. Дело обошлось без смертоубийства, и отец таким образом избежал наказания, хотя находился на волосок от смерти. И тогда, радуясь, что меч оказался тупым и им нельзя убить человека, отец назвал его прародителем своей жизни и стал чтить как сокровище нашей семьи. Мне же с самого начала было известно, что меч сей – отнюдь не творение какого-либо знаменитого

оружейника, и потому я весьма удивлялась, что ты так его домогался. А ссора та произошла в начале шестого месяца года, в середине эры Сёхо. Множество крестьян из нашей и соседней деревни собрались возле оросительного канала, старейшины спорили с таким жаром, что, казалось, готовы лечь костями, лишь бы получить воду. Еще немного, и завязалась бы драка, как вдруг при ослепительном сиянии солнца раздался громкий стук барабана, с неба спустилась черная туча, из нее вышел бог грома в красной набедренной повязке и сказал крестьянам: «Прежде всего утихомирьтесь и слушайте! Долгая засуха, из-за коей страдают все деревни, – это наших рук дело. Причина же вот в чем: боги грома, ведающие дождями, все – молодые парни, только и знают, что развлекаться с ночными звездочками, с ними и истратили полностью свое драгоценное семя, и не осталось у них достаточно влаги, чтобы пролить дожди, хотя это премного их огорчает. Вот отчего случилась засуха. Если вы пошлете им лекарство – корень лопушника, что растет на ваших полях, то обещаю вам, что немедленно пойдет дождь». – «Да это проще простого!» – отвечали крестьяне и тотчас же собрали целую уйму корней лопушника. Бог грома навалил охапку на Небесную Лошадь и поднялся на небо. И уже на следующий день корень возымел действие – начал накрапывать дождик, кап-кап, кап-кап, точь-в-точь как бывает при заболевании дурной болезнью, – так рассказала мать.

Свиток третий

Самурайская доблесть, или Как блоха удрала из клетки *О том, что случилось в главном городе провинции Суруга*

Наступил конец года – время, когда с горы Фудзи начинают дуть холодные зимние ветры, а городские жители в краю Суруга больше всего остерегаются воров и пожаров. В эту пору поселился в тех местах некий ронин по имени Цугава Хаято, человек благородный. Жил он безбедно, самурайский свой меч и все доспехи сохранил в целости, как и в те годы, когда находился еще на службе, снимал маленький домик, слуг же почему-то не держал. И вот восемнадцатого дня двенадцатой луны в полночь к нему в дом забралась целая шайка воров. Хаято проснулся, схватил меч, лежавший у изголовья, ранил нескольких воров, остальные в страхе удрали, а так как воры ничего не успели украсть, он не стал извещать власти о нападении и ничего не сказал соседям.

Той же ночью, в конце той же улицы, воры забрались в дом к красильщику, все перевертели, похитили готовые шелка и ящик с деньгами. Хозяин вытащил было алебарду из ножен, но его окружили, зарубили насмерть и унесли из дома все подчистую.

С наступлением дня власти приступили к расследованию. «Все разбойники – бородатые, с мечами – большим и малым», – показали слуги, а тут как раз соседи донесли, что у ворот дома Хаято видны следы крови; его объяснения и доводы не помогли ему, и для дальнейшего разбирательства заключили его в тюрьму по подозрению в ночном разбое.

– Ваше имя, ваша прежняя служба? – спросили у него на допросе, но Хаято, улыбнувшись, ответил:

– Коль скоро очутился я в таком положении, нет у меня больше имени, которое я мог бы с гордостью объявить!

Одним словом, случай выдался трудный, а между тем время шло, и через семь лет вышел приказ всех узников из провинции Суруга перевести в темницы города Киото.

Вместе с преступниками томиться в тюрьме – бывает ли участь горше для достойного человека? У Хаято было много знакомых, которые могли бы помочь ему выйти на волю, однако, рассудив, что сам допустил промашку, он не роптал на власти и примирился с несчастной своей судьбой.

Однажды в дождливый день при слабом свете, едва проникавшем сквозь железные решетки, узники, как всегда, занимались кто чем: один выдергивал волоски из бороды с помощью составленных вместе створок ракушки хамагури, другой мастерил фигурки Будды из туалетной бумаги, на разные лады показывая свое искусство, и не было среди них ни одного тупого или неловкого человека. Был там узник с седыми волосами, связанными узлом, с виду точь-в-точь святой мудрец и волшебник. У него была клетка для насекомых, которую он сам искусно сплел, и держал там вошь, коей стукнуло уже тринадцать лет, и блоху девятилетнего возраста, каковых любил чрезвычайно и кормил, позволяя сосать кровь из собственной ляжки, отчего обе разрослись до необычайно больших размеров и весьма к нему привязались; по его приказанию вошь исполняла Танец Попрошайки, а блоха выпрыгивала из клетки. И хотя горестно было узникам, зрелище это и развлекало, и утешало.

Другой узник поделился с товарищами секретами воровства среди бела дня, коим обучился у самого Исикава Гоэмона. Тут и остальные стали хвастаться былыми своими подвигами, и один из них, по прозвищу Синкити Жулик, в ответ на вопрос, почему у него не хватает одного уха, сказал:

– Сорок три раза попадал я в опасные переделки, но ни разу не был ранен. Но вот однажды случилось нам забраться в дом к некоему ронину в провинции Суруга, и он так проворно пустил в ход меч, что мы еле унесли ноги. В жизни не бывало у меня таких промахов! Но даже эта неудача, увы, не послужила уроком – той же ночью проникли мы в дом к красильщику, хозяина ограбили и убили... – И он рассказал все, как было.

Хаято услышал его рассказ.

– Я и есть тот самый ронин! – воскликнул он. – За преступление, совершенное тобой и твоими друзьями, попал я в столь большую беду! Здесь, в темнице, я не о жизни своей горюю – обидно мне умереть, опозорив честное имя самурая. Прошу тебя, умоляю, помоги рассеять тяготеющее надо мной подозрение!

Вор внял его просьбе.

– Мы с приятелем угодили сюда не за то старое преступление, на сей раз мы повинны еще и в убийстве женщины. Так и так нам не миновать смертной казни... О тебе же я все доложу властям... – И они обратились к тюремщику.

Когда же оба дали подробные показания, дело, тянувшееся столь долго, наконец-то пришло к благополучному окончанию. Хаято освободили, и, в награду за долгие его муки, ему было милостиво обещано выполнить любое его желание. Он с благодарностью выслушал и ответил:

– Если так, то я просил бы, чтобы этим двум узникам сохранили жизнь. В свое время я по их милости попал в беду, но теперь благодаря их свидетельству я смог сохранить незапятнанным мое честное имя самурая, чему рад бесконечно! – Так неоднократно обращался он к властям с этой просьбой и в конце концов добился спасения обоих.

Бренность мира, или Воскресение из мертвых *О том, что случилось на улице Богачей, в столице*

В столице, на Верхней улице Богачей, жил без забот и огорчений некий человек; день проводил он, любуясь цветением сакуры на горе Хигасияма, а рассвет встречал, наслаждаясь лунным сиянием у пруда Хиросава, – так жил он, не ведая горестей бренного мира, осенью и зимой занимаясь изготовлением sake, весной же и летом отдаваясь досугу.

Долгое время мечтал он о ребенке, и вот наконец родилась у них единственная дочь. Девочке наняли кормилицу, радели о ее воспитании; когда же ей исполнилось четырнадцать лет, стала она девицей без малейшего изъяна, и немудрено, что многие молодые люди серьезно о ней подумывали. Тогда, по умному рассуждению матери, решили поторопиться с тем, чего не следует откладывать в долгий ящик, заботливо приготовили все приданое и, не дав ответа на сыпавшиеся со всех сторон предложения, решили отправиться на праздник любования сакурой, дабы устроить там как бы смотр женихам. Но как раз в это время девица простудилась и захворала. Созвали всех врачей, сколько их было в столице, лечили на все лады, но напрасно... И вот – о горе! – тихо, словно уснув, она покинула этот мир.

Горе родителей было беспредельно. На закате они в грустном молчании проводили ее тело к месту сожжения и, услышав тройной удар колокола в храме Сэмбон, сильнее прежнего почувствовали бренность этого мира. Когда же дым поднялся к небу, даже служанки сокрушались так сильно, что, казалось, готовы были прыгнуть в костер, чтобы сгореть вместе с барышней. В печали возвратились домой, и чудилось им, что сумрак весенней ночи полон глубокой скорби. А тут еще стал накрапывать дождик, и это тем паче усугубило их горе.

На рассвете, в четыре часа утра, отправились забрать пепел. И тут случилось, что муж кормилицы пришел первым, поскольку дом его был расположен ближе других к месту сожжения. Ни души не встретил он на дороге, а ночное весеннее небо показалось ему даже более зловещим, чем накануне.

Когда подошел он к месту сожжения, то сперва ничего не мог разглядеть во мраке. И вдруг обо что-то споткнулся. Вскрикнув от страха, поднял он еще тлевшую головешку, осветил – не иначе как мертвое тело. «Кто бы это мог быть?» – подумал муж кормилицы, прочитал заупокойную молитву, затем приблизился к месту сожжения барышни, глянул и обомлел: гроб, обугленный, почерневший, откатился далеко от кострища. Тогда он снова посмотрел на тело и увидел, что то была барышня, и, хотя волосы у нее обгорели, ее можно было узнать, и она еще слабо дышала. Вылив ей в рот несколько капель державшейся на листьях росы, он снял с себя кимоно, закутал девицу, а в костер положил чьи-то кости, что валялись неподалеку; потом взвалил ее на спину и пошел по улице, тянувшейся вдоль плотины, к дому, где сдавали помещения внаем. Там он растолкал женщину, с коей издавна был в связи, сказал, что с ним больная, каковую должно лечить ото всех в тайне, и поместил девицу в одной из комнат. Когда же рассвело, он увидел – все тело у нее обуглено, что головешка, и подумалось ему, что она никогда уже не обретет человеческий облик. Тем не менее биение пульса вселяло надежду, и, послав за ее постоянным врачом, он рассказал тому, как было дело. Стали пользоваться ее лекарствами, и через некоторое время она открыла глаза, зашевелила руками и ногами, и ее пугающий облик начал мало-помалу меняться к лучшему.

Прошло полгода. Муж кормилицы справился у врача о самочувствии девушки, – оказалось, она ни разу не промолвила ни словечка, словно до сих пор не пришла в сознание. Врач никак не мог понять, в чем причина ее молчания, и посоветовал обратиться к гадалышке.

Пригласили некоего прорицателя по фамилии Абэ, тот раскинул гадальные кости и сказал:

– Сколько бы лекарств ни давали этой девице, все равно они ей не помогут. И все оттого, что ее родня по-прежнему продолжает молиться за нее как за покойницу!

Так он сказал, будто все насквозь видел.

«Ну, коли так, таиться больше нельзя!» – решил муж кормилицы, отправился на улицу Богачей и рассказал отцу с матерью все по порядку. Родители так обрадовались, будто воспряли от тяжелого сна, и со словами: «Какое счастье! Пусть даже ее красота исчезла, лишь бы сама она была жива!» – тотчас же разломали на мелкие кусочки поминальную дощечку в божнице, перестали молиться, сменили постную пищу на рыбные блюда и принялись возносить благодарственные молитвы.

И в тот же день девушка снова заговорила, стала сокрушаться о пережитом сраме, тревожиться, что причинила отцу с матерью столько горя, и все ее помыслы ничем не отличались от рассуждений здорового человека. «Если благополучно выздоровлю, уйду от мира!» – твердо решила она в душе и не стала встречаться ни с родителями, ни с прочей родней.

Миновало три года, и бывшая красота полностью к ней вернулась. Следуя своему твердому решению, в десятом месяце года, когда исполнилось ей семнадцать лет, она сменила яркий наряд на черную, как тушь, рясу, поселилась в одинокой келье неподалеку от горы Арасияма и стала молиться о будущей жизни.

Поистине редкостный случай воскресения из мертвых!

Дураки, или Нарисованные усы в месяц Инея ***О том, что случилось в квартале Тамадзукури, в городе Осака***

Жили некогда четверо друзей, все – ревностные приверженцы секты Дзёдо и превеликие пьяницы, постоянно осушавшие не менее двух сё первосортного sake. Сии друзья-приятели были все прихожане одного и того же храма, и вот стали приглашать они и священника; на первых порах тот даже малую толику sake вкушал с отвращением, но под уговоры друзей постепенно втянулся, приучился пить, выбросил обычные чашки и стал заправским пропойцей, из тех, что хлещут вино из огромных чарок. И не было для него большей радости, чем видеть,

как, извиваясь, бежит струя саке, когда его разливают по чаркам. Все эти люди передали свои дела сыновьям и на старости лет жили себе привольно, чтобы ни о чем не жалеть, когда придет время расставаться с сим миром.

И вот, решив, что нет ничего отраднее на свете, чем умереть с перепоя, отметили они святой вечер в восемнадцатый день месяца Инея особым богослужением. Сперва с благоговением прослушали заповеди блаженного Рэннэ и, расчувствовавшись, проливали слезы за беседой на богоугодные темы, а после, как обычно, пошел у них пир горой, все напились, да так, что, не помня себя, распевали песни и веселились. А рядом, по соседству с комнатой, где собрались старики, местная молодежь потешалась, слушая, как они веселятся, и под этот шум и галдеж молодые люди незаметно уснули.

Был среди них некий юноша, которому в ту ночь предстояло жениться, хотя о свадьбе еще не объявляли миру. От радости он не в силах был оставаться дома и здесь ожидал, когда придет пора отправиться в дом невесты. Его-то и заприметил священник.

«Этот мерзавец, – подумал он про себя, – сегодня ночью пойдет к невесте, я об этом слыхал. А девица эта – красавица, да такая, что сама госпожа Дзёрури, жившая в былые времена, не годилась бы ей в подметки! Ух, негодяй! Сотворил себе парадную прическу, под стать Ёсичунэ, и еще жениться-то не успел, а на роже уже написано, как гордится он своей женой! Ну-ка, поздравлю его по случаю такого праздника, нарисую ему на роже усы торчком!» – и он растер тушь, обмакнул в нее кисточку и наилучшим манером нарисовал на лице уснувшего молодого человека усы. Старики же, бывшие тут, выхватили у него кисточку и с криком: «И я! И я хочу!» – наперебой принялись рисовать парню усы, да так, что все лицо у него стало черное и грязное, как тетрадка для упражнений в чистописании.

Вскоре юноша возвратился к себе домой, но в тусклом свете бумажного фонаря никто ничего не заметил, даже когда он стал облачаться в хакама. Так, перемазанный, он и отправился к новобрачной, а там немало удивились, увидев жениха, лицо которого было перепачкано тушью. Тут наконец узнал он об этой злой шутке, разгневался, выхватил кинжал и хотел было бежать к обидчикам, но тесть остановил его со словами: «Я не прошу подобного оскорбления, даже если все прочие простят им! Пришел конец жизни и для меня, и для них!» И, обрядившись в предсмертные одежды, он уже собрался идти к старикам, но тут сбежались соседи с его улицы и с улицы жениха, стали всячески увещевать его, однако тесть и слушать не хотел.

После долгих уговоров сошлись на том, чтобы наказать всех четверых, сыгравших столь зловредную шутку, следующим образом: им нахлобучили на голову рваные бумажные колпаки, заставили надеть парадную одежду камисимо⁴⁵

---

⁴⁵ Камисимо – старинный парадный костюм самурая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.